

Против излишеств в архитектуре!

В нашей стране все служит на благо человека. Когда народ водворяет гиганты современной индустрии, преграждает реки плотинами электростанций, расплачивает целинные земли и осваивает богатства земных недр, все его созидательная деятельность освещена великой целью: построить коммунизм, завоевать полное счастье человеку. Когда ученые прокладывают новые пути в науке, писатели, художники творят новые произведения, то и они прежде всего озабочены тем, чтобы их творчество было необходимо и полезно народу. Такова высокая гуманистическая задача всех создателей нашей материальной и духовной культуры — культуры коммунизма.

Наша страна всегда в строителных лесах. Вместе с многонациональной армией рабочих на стройках заняты инженеры и архитекторы, по замыслам и планам которых проводится строительство и реконструкция городов, возводятся промышленные, сельскохозяйственные и общественные сооружения, жилые дома. Никогда еще роль архитектора не поднималась так высоко, как в нашей стране. Архитектор по самому изначальному, древнему значению этого слова — главный строитель. В наши дни он должен быть разумным и экономным хозяином, должен знать и уметь пользоваться всеми новейшими достижениями инженерной науки, техникой, должен стремиться к тому, чтобы каждое сооружение было целесообразным, удобным и красивым.

Рядом с новыми заводами, плотинами, сельскохозяйственными постройками, клубами и театрами в городах и селах все более быстрыми темпами возводятся жилые дома. Только за пятую пятилетку введено в действие 150 миллионов квадратных метров жилой площади. Коммунистическая партия и Советское правительство придают исключительное значение тому, чтобы у советского человека было удобное и здоровое жилище, где он проводит большую часть своей жизни, родной дом, в котором радостно трудиться и приятно отдохнуть. Поблизости об этом — священный долг строителей, проектировщиков, архитекторов.

Наша страна и архитекторы добились немалых успехов. Однако в проектировании, строительстве получили широкое распространение крупные ошибки и недостатки.

На днях Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР вынесли постановление «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве». Это постановление, проникнутое огромной заботой о советских людях, подвергает резкой и суровой критике внешне-показную сторону архитектуры, злоупотребляющую излишествами, что не соответствует линии партии и правительства в архитектурно-строительном деле.

В постановлении показано, как, пренебрегая экономией, полезностью и удобством жилых и общественных зданий, многие архитекторы злоупотребляли излишествами в оформлении фасадов: над ними возвышались башни, к ним приставлялись колоннады, портики, дома обрастали пышными архитектурными деталями, некритически перенесенными из архитектуры прошлого.

За пышными фасадами, вызывавшими большую перерасход государственных средств, часто скрывались плохая планировка квартир, отсутствие удобств, беззаботность по отношению к экономичности эксплуатации здания. Так рождались целые улицы зданий-уникумов, выстроенных в самых различных стилях, санаториях-храми, уступающих своей мнимой monumentalностью, вокзалы-дворцы, в которых нет необходимых удобств для пассажиров, дома, обремененные всевозможными «украшениями», кричащие шестыми и безукрытыми. В таких домах трудно жить, потому что при внешней помпезности в них было неудачным расположение комнат, прихожих, окон, дверей, лифтов.

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР приведены конкретные факты и цифры, наглядно подтверждающие, как излишества в проектировании и строительстве, дворцово-показный стиль многих сооружений Москвы и других городов привели к тому, что улицы и площади украсились зданиями, имеющими архаичский вид, а государство понесло большие и ненужные расходы. Каждый метр жилой, полезной площади таких домов обходился во много раз дороже обычной стоимости.

Архитекторы, проектировщики и строители должны извлечь серьезные уроки из критики, которой была подвергнута их работа. Речь идет не только о частных ошибках и неудачах, но о неправильном направлении в архитектуре, о развитии эстетских вкусов и проявления формализма: речь идет о том, что многие наши архитекторы неверно представляют себе задачи освоения классического наследия.

Арханизм и слепое подражание классике проявились, как реакция на левые загибы в архитектуре. Чуждые социалистическому реализму, эти направления в свое время начисто отрицали за архитектурой право на художественно-образное решение зданий. Выступая против неверных теорий, всячески развешивая конструктивизм, многие архитекторы вливали в другую крайность: под флагом борьбы с конструктивизмом они насаждали архаику, укра-

шательство, излишество. Так родилось слепое преклонение перед классическими образцами, механическое копирование вместо глубокой и вдумчивой творческой работы над развитием стиля социалистического реализма в советской архитектуре. Выступая якобы против формализма и эстетства, любители архаики сами оказались на позициях формализма и эстетства, ибо многие построенные по их проектам здания, где форма стала самоцелью, являют собой примеры разрыва формы и содержания.

Союз архитекторов, бывшая Академия архитектуры и их руководители не только не вели борьбы против излишества и украшательства, но своей практической деятельностью и теоретическими выступлениями пытались оправдать бездумную эклектику в архитектуре, которая на проверку оказывалась конструктивизмом на выворот, формальным повторением древних архитектурных канонов.

Постановление партии и правительства не только вскрыло организационные и творческие недостатки архитектуры и проектирования, определило ущерб, который приносит государству излишества и показная краснота, но и указало те пути, по которым должна двигаться вперед наша архитектура.

«Советской архитектуре должна быть свойственна простота, строгость форм и экономичность решений. Привлекательный вид зданий и сооружений должен создаваться не путем применения надуманных, дорогостоящих декоративных украшений, а за счет органической связи архитектурных форм с назначением зданий и сооружений, хороших их пропорций, а также правильного использования материалов, конструкций и деталей и высокого качества работ».

Увлечение уникальными произведениями в архитектуре, пренебрежение к индустрии, технике, экономичности привело к тому, что типовое проектирование не стало основой массового строительства. Лишь немногие здания как в Москве, так и на периферии, строились по типовым проектам.

«Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР отмечают, что значительная часть жилых, гражданских зданий и большая часть промышленных зданий строится все еще по индивидуальным проектам, что является одной из главных причин, порождающих излишества».

Несмотря на безспорную технико-экономическую целесообразность строительства по типовым проектам, многие министерства и ведомства считают разработку типовых проектов второстепенным делом и не выполняют планов типового проектирования.

А между тем только типовые проекты дают возможность строить быстро, дешево, на строительной площадке монтируя дома, части которых изготовлены на заводах. Постановлением наметены мероприятия для широкого развития типового проектирования. Даны задания создать различные типовые проекты жилых домов, школ, детских учреждений, санаториев, гостиниц, домов отдыха и т. д. Будут организованы конкурсы на типовые проекты, создается Государственный центральный институт по разработке типовых проектов жилых и общественных зданий.

Требование партии и правительства в кратчайший срок коренным образом перестроить работу по проектированию и строительству, широко внедрять в строительство типовые проекты, смелее осваивать передовые достижения отечественного и зарубежного строительства, вести повседневную непримиримую борьбу с проявлениями формализма в архитектуре и с излишествами в проектировании и строительстве — все это, безусловно, будет способствовать широкому размаху строительства в нашей стране, подтему тяжелой индустрии и всего народного хозяйства, приведет к улучшению жилищных и культурно-бытовых условий трудящихся.

Перед нашими архитекторами, перед объединяющим их творческим союзом стоят ответственные и большие задачи. Необходимо в кратчайший срок устранить недостатки в проектировании и строительстве. Лицом к массовому строительству, к его нуждам и запросам должны повернуться все архитекторы и проектные организации.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» определяет генеральное направление развития строительства и архитектуры, является боевой программой творческой, трудовой деятельности архитекторов, проектировщиков и строителей. Надо надеяться, что на открывающемся в ближайшее время Втором всесоюзном съезде советских архитекторов принципиальная критика и самокритика помогут преодолеть крупнейшие недостатки в практике и теории архитектуры, что делегаты съезда наметят пути к наиболее быстрой и успешной реализации указаний партии и правительства.

Советский народ с большим воодушевлением воспринял Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР. В нем он видит верный залог того, что архитекторы, проектировщики и строители, основываясь на достижениях современной индустрии, будут строить быстро, экономично, удобно и красиво. Заботой об интересах социалистического государства и нуждах советских людей должна быть пронизана работа всех, кто занят строительством в нашей стране.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 135 (3480)

Суббота, 12 ноября 1955 г.

Цена 40 коп.

Константин СИМОНОВ

Дом Амундсена

В августе этого года Всесоюзное общество культурной связи с заграницей направило в Норвегию делегацию, в которую входил член-корреспондент Академии наук СССР Ю. А. Орлов, член коллегии Министерства сельского хозяйства РСФСР Е. И. Третьяков и я. Две недели — с 27 августа по 9 сентября — мы провели в Норвегии, находясь в гостях у наших норвежских друзей — общества «Норвегия—СССР». Во время поездки я вел дневник. Выпущенный читателям предлагается отрывок из этих дневников, которые полностью будут опубликованы в декабрьской книге журнала «Нева».

...Сегодня мне, наконец, довелось побывать в доме, который давно, с юности, меня интересовал. Я говорю о расположенном на берегу фьорда, километрах в пятнадцати-двадцати от Осло, доме Руаала Амундсена — о том его последнем жилище, откуда он отбыл 11 июня 1928 года в свое последнее героическое путешествие.

Первая половина дороги к дому Амундсена — очень оживленная и очень узкая (я бы сказал, опасно узкая для двустороннего движения) шоссе, слева от которого промываются каменные холмы, а справа спускается прямо к фьорду.

Это дачное место купания жителей Осло. И, право, трудно представить себе что-нибудь красивее этого зрелища в теплую и солнечную погоду. Синеватая прозрачная вода фьорда, огромные серые, нагретые солнцем валуны, островки песка между ними, сосны на расщелинах... Ничто, кажется, не напоминает в такой даче, какую непринятливой может быть эта природа в непогожие дни и месяцы. На валунах, на уходящих в море дюнах плавают, на вышках — тысячи людей, молодежи, семейных пар и детей, — такое чувство, что буквально все, кто мог в этот неприглядно погожий для конца августа день выбраться на солнце, все выбралось, все греется, запасая тепло на долгие зимние месяцы, на встречу, метельную зиму.

Надо сказать, что вообще в Норвегии характерно для людей особенно бережное отношение к солнцу. Здесь от солнца не отторгается шторой, даже если оно слишком ярко бьет в окно. В парках деревья рассажены так, что в погожий день там куда больше солнечных пятен, чем густых, тенистых аллей. А на улицах в солнечный день так много людей, подставляющих солнцу все, что можно подставить, — женщины в легком, спортивном платье и костюмах, мужчины без пальто, в ярких летних рубашках с расстегнутыми воротниками, — что, не зная, где ты находишься, можно подумать, что это южный город в разгаре знойного лета.

Километров через десять дорога свернула от моря, сделала несколько поворотов уже по менее оживленной лесистой местности, с кое-где разбросанными по холмам фермами, и по крутому спуску снова выехала на берег фьорда. Наконец, еще на одном повороте показалась дощечка с надписью: «Дорога к дому Руаала Амундсена».

В детстве у каждого бывает один или несколько любимых героев. Самыми любимыми героями моих детских лет были Суворов и Амундсен. Сейчас, в возрасте, уже далеком от детства, — здесь, в Норвегии, тоже далеком от мест, где я жил в давние годы, — приближаясь к дому Амундсена, я вспомнил лето 1928 года, когда происходила трагическая эпопея с дирижаблем «Италия», когда в газетах мелькали имена знаменитого летчика Чухновского и профессора Визе, названия сланных ледоколов «Красин» и «Малыгин», когда весь мир облетело известие, что Амундсен, поспешивший на французском самолете «Латам» на помощь Нobile, тоже исчез в безбрежных просторах Арктики и теперь приходится искать его самого.

Я хорошо помню, как из небольшого украинского села под Кременчугом, где я жил в то лето, мы вместе с другими мальчишками ходили за несколько километров, чтобы достать вечернюю газету с последними известиями о поисках Нobile и Амундсена.

Нам всем бесконечно хотелось, чтобы именно наши, советские ледоколы и летчики отыскали их обих. Но с особым волнением я думал о спасении Амундсена. Недалеко до этого я прочел вышедшие у нас его книги и книги о нем, и в моих детских глазах вставал образ человека сурового и бесстрашного, не взирав ни на что идущего к цели. Его полет на помощь Нobile дорисовал образ человека не только бесстрашного, но и обладающего высоким благородством. В газетах проскользнули сведения о том, что Амундсен и Нobile, до этого совместно установившие в одной из экспедиций, разделившись, были в ссоре, что Нobile и самый свой полет на «Италия» совершил без Амундсена, «в пику» ему, желая затмить его, стяжав лавры себе одному.

И вот, узнав, что Нobile со своим дирижаблем потерпел крушение и борется со смертью во льдах Арктики, удалившийся на покой 56-летний Амундсен бросает все и, не теряя долгого времени на сборы, без раздумья спешит на помощь человеку, хотевшему стать его соперником. Вот те детские ощущения, которые выданы мною тогда и которые, как это обычно бывает с наиболее сильными из ощущений детства, остались в душе на всю жизнь.

Двадцать лет спустя, работая над вышкой стихов,

уже не первой по счету, но первой, после которой я почувствовал, что, кажется, буду всю жизнь писать стихи, — пытаюсь создать в этой книжке образы людей, не знающих покоя и до смертного часа не останавливающихся на достигнутом, как-то само собою, одним из первых, я написал стихотворение «Старик», посвятив его памяти Амундсена. Я описал как, как я это себе тогда представлял, его последний отъезд из того самого дома, к которому мы приближались сейчас, спустя много лет, в августе 1955 года...

На берегу фьорда, скалистом, по очень высокому, среди зелени стоял дом — совсем не такой, каким я его мысленно видел. Суровый северный облик Амундсена заставил меня в стихах признать и его дому такой же суровый северный облик. Мне вылился похерше от времени бревна, островерхая крыша, круглые, напоминающие о путешествиях, окна, прорубленные прямо на море...

А перед нами стояла двухэтажная, утопавшая в зелени чистенькая, крашенная белой масляной краской дача, до удивления похожая на те дачи дореволюционного времени, которые десятками можно увидеть, если ехать от Ленинграда к Карельскому перешейку. То, что я увидел, настолько не соответствовало моим детским и юношеским представлениям, что в первую секунду меня охватило чувство разочарования, которое, впрочем, исчезло сразу же, едва заплатив какому-то мелочь за вход — мы вошли в дом вместе с женщиной — хранительницей этого дома-музея.

Амундсен дожил почти до 30-х годов, но, входя в его дом, вы чувствуете, что это жилище человека начала нашего столетия. Старомодная мебель, обитая старым зеленым шелком, старомодный со старомодными тумбочками письменный стол, старомодные семейные фотографии в дубовых рамках... Чувствуется, что и в шестидесяти годах хозяин дома окружал себя вещами, которые были привычны для него в тридцать. Но в эту обычную обстановку доброжелательно интеллигентного дома начала века то тут, то там вторгались предметы, говорящие о необычности подвигов и исключительности судьбы человека, который жил здесь под старость.

Вот на стене в рамке небольшой старый норвежский флаг. Это не просто флаг. Это флаг с корабля «Мод», найденный на теле одного из норвежцев, погибших во льдах во время экспедиции. Стоящее у стены старенькое, ничем не примечательное в виду plainly проупотребленное по самым северным и южным широтам и любящее близ Южного полюса: это пианино с корабля «Фрам». А под ним, прямо на полу, лежит кусок камня — самый обыкновенный камень, примечательный, однако, тем, что он принесен в западном направлении с той точки земного шара, которую зовут Южным полюсом. Под потолком — модель самолета; сейчас он напоминает нам аэтакеру, но на этом смешном самолете Амундсен первым летал над полярными льдами. На стенах несколько картин.

«Полярный день». Самолет, сидящий на льду, а вокруг — необозримые снежные пространства. Рядом — старая олеография, на которой изображены платный седебордый старик и спрашивающая его о чем-то дочь в платье викторианских времен; на стене над стариком — портрет Нельсона. Старик говорит дочери, что полюс может и должен быть покорен и так гласит надпись. Должно быть, эта старая олеография не случайно оказалась у Амундсена, в чьем доме Южный полюс покорился не Англия, а Норвегия. Еще гравюра: «Пожар на корабле». И дальше — «Настоящий мужчина»; северный пейзаж; льды, и по ним, пригнувшись, против ветра, дела последние шаги, из последних сил ступает очень усталый человек в полярном костюме.

Рядом с кабинетом — маленькая спальня. Угловая, с косым потолком комната очень похожа на корабельную каюту. Все обстановки состоит из кровати и маленького столика возле нее... Сидеть в каюте дополняется тем, что вместо окна в спальне — два круглых иллюминатора. Они выходят на море. Наверное, по ночам в этой маленькой комнате-каюте хорошо слышен привычный шум моря!

Вот, кажется, мы и осмотрели весь дом, в котором Амундсен — совершенно один — провел последние годы. Спускаюсь вниз по внутренней лестнице, уже из выходящих дверей бросаю последний взгляд: на белой стене две акварели с наивными пастушками XVIII века и рядом суровый портрет старого человека с резкими, остринными чертами лица, седыми, нахлещенными бровями в рамке, увитой лентами цветов национального флага. В доме все оставлено так, как было; этот траурный портрет — последний снимок, сделанный при жизни хозяина, — единственное, что появилось здесь после его смерти...

Дом Руаала Амундсена близ Осло

В маленькой приемной комнате стоят часы на трех моржовых клыках, со стрелками из кости мамонта, а над ними, на стене, поларные портреты самого короля, его жены и кронпринца, маленького мальчика, которого я два дня назад видел на открытии университетской выставки уже немолдым, плотным, перешагнувшим за 50-летний возраст мужчиной. Под лестницей, ведущей на верхний этаж, — полярные льды, на тех, что у нас называются снеготупами; старая, неказистая, но, видно, любимая палка, нарты, с которыми Амундсен был на Южном полюсе; тут же на стене висит рукавицы и барометр, снятый с корабля «Мод».

Подымаюсь на второй этаж. У двери на балкон сидит ставший чуждом много лет назад и поэтому неостерившийся медвежонок Мария, плавающий вместе с Амундсеном на корабле. На стене — карта, по которой Амундсен прокладывал курс в плавание на «Мод». А на другой стене — портрет Нансена, еще не старого, задумчивого, с небольшими усами, в голубой, до горла застегнутой куртке; на полу — старая, обитая старым зеленым шелком, старомодный со старомодными тумбочками письменный стол, старомодные семейные фотографии в дубовых рамках... Чувствуется, что и в шестидесяти годах хозяин дома окружал себя вещами, которые были привычны для него в тридцать. Но в эту обычную обстановку доброжелательно интеллигентного дома начала века то тут, то там вторгались предметы, говорящие о необычности подвигов и исключительности судьбы человека, который жил здесь под старость.

На письменном столе — старинный телефон, над столом — портреты матери и отца Амундсена; сбоку — портрет деда, под ним — студенческая шапочка Амундсена с традиционной черной кистью. Календарь раскрыт на 11 июня 1928 года.

Стеклопачки двери кабинета выходят на веранду. Там стоит большой некрашеный дубовый стол. На нем — ничего, кроме чернильницы. Перед столом — такой же некрашеный дубовый стул. Вот здесь, за этим столом, у окна, из которого видел фьорд, Амундсен писал книги о своих путешествиях.

Рядом с кабинетом — маленькая спальня. Угловая, с косым потолком комната очень похожа на корабельную каюту. Все обстановки состоит из кровати и маленького столика возле нее... Сидеть в каюте дополняется тем, что вместо окна в спальне — два круглых иллюминатора. Они выходят на море. Наверное, по ночам в этой маленькой комнате-каюте хорошо слышен привычный шум моря!

Вот, кажется, мы и осмотрели весь дом, в котором Амундсен — совершенно один — провел последние годы. Спускаюсь вниз по внутренней лестнице, уже из выходящих дверей бросаю последний взгляд: на белой стене две акварели с наивными пастушками XVIII века и рядом суровый портрет старого человека с резкими, остринными чертами лица, седыми, нахлещенными бровями в рамке, увитой лентами цветов национального флага. В доме все оставлено так, как было; этот траурный портрет — последний снимок, сделанный при жизни хозяина, — единственное, что появилось здесь после его смерти...

Из истории русско-норвежского научного сотрудничества

На этом снимке запечатлена группа участников норвежской южно-полярной экспедиции на судне «Фрам» (1910—1912 гг.). Как известно, начальник экспедиции Р. Амундсен предложил сначала идти к Северному полюсу, но, узнав, что полюс уже открыт американцем Фредериком Куком, направился в Антарктику и в декабре 1911 года достиг на собаках упряжки Южного полюса.

В экспедиции Амундсена принимал участие 22-летний русский моряк Александр Степанович Кучин. Сын полка А. С. Кучин окончил Архангельское морское училище и, чтобы избежать следствия по обвинению в революционной деятельности, вынужден был переехать в Норвегию. Там на Бергенской биологической станции он изучал океанографию под руководством Фридриха Нансена, который и рекомендовал его Амундсену.

Вот что писал тогда, 45 лет назад, норвежская газета «Морганбладет»: «В числе национальной норвежской экспедиции, отправившейся на знаменитое судно «Фрам» к Северному полюсу, среди других участников состоит уроженец Архангельской губернии А. С. Кучин. Кучин включен в состав экспедиции вопреки постановлению стортинга, который высказался за то, чтобы названная экспедиция носила исключительно норвежский национальный характер и участники ее были только норвежские подданные. Такое нарушение организатором экспедиции пожелания стортинга было сделано благодаря исключительным способностям и таланту А. С. Кучина в области океанографии».

По возвращении из Антарктики А. С. Кучин участвовал в русской полярной экспедиции В. А. Русанова, которая погибла в Северном Ледовитом океане.

Снимок сделан в Христиании (Осло) в 1910 году, на палубе «Фрама». В центре — Р. Амундсен (х), справа внизу — А. Кучин (х).

Снимок публикуется впервые.

НАД степью — нити за-
тнувшегося бабьего
лета. Даже недавно поды-
тая лямб издала кажется не
черной, а какой-то пепельно-серо-
ватой, и только олимпийские
только олимпийские оттенки свежей
зеленой.

СВЕЖИЙ ВЕТЕР

Иван АНТОНОВ,
специальный корреспондент
литературной газеты.

нельзя. Мы их не просто как специалистов
берем, а в свою семью, в свой колхоз при-
нимаем. Без агронома Васильевой наш
колхоз не смог бы ежегодно получать
такие высокие урожаи, а без зоотехника
Кузьминой наше общественное животновод-
ство не давало бы миллионных доходов...

Председатель, пожилые колхозники Иван
Пыркин, Макар Васильев и другие высту-
павшие приводили немало примеров того,
как агроном и зоотехник выигрывают в кол-
хозное производство, как помогают брига-
дам и фермам добиваться успеха.

Похвала смущала Васильеву. Она скла-
дывала рсую, с выгоревшими волосами го-
лову, на щеках выступила краска.

Хотелось бы еще спросить и Евла-
лию Ивановну и Александру Федоровну, —
обратилась к агроному и зоотехнику пред-
седатель. — Как вы: от всей души в кол-
хозе работаете или по обязанности?

Серые глаза Васильевой загорелись; ли-
цо вдруг сделалось серьезным.

Я, например, много думала об
этом, — вскинув голову, заговорила она. —
Вспомнила, как пять лет назад сюда, к вам,
приехала. Вы знаете, что до меня тут
работал старый, опытный агроном. Колхоз
и тогда был по урожайности на хорошем
счету не только в районе, но и в области.

И знаете, как я боялась, когда меня сюда
рекомендовали! А вдруг, думаю, не справ-
люсь. Ведь опыта у меня тогда почти
никакого не было, недавно из института. Вы
все помогли мне освоиться, разобрались по
всем! И потом так привыкла, что будто и
родилась тут.

После заседания Василий Васильевич
пошел к Никишеву, дружески взял его за
локоток.

Должен сказать, Максимилиан Фел-
дотич, во-первых, очень вовремя правитель-
ство решило передать специалистов из
МТС в колхозы. Обосновались они у
нас начали. А теперь чувствуем: свежий
ветер пошел! Всем специалистам вреде эк-
замена. Ведь кое-кого колхозы-то могут и
не взять.

Да вон Иванову в «Тракторе» не бер-
ут, — сказал Никишев. — Безоручка, го-
ворит. И не то чтоб знаний, а прилежания
нет.

Э, милый мой, у вас многие специа-
листы не работали, а службу отбывали.

Ты меня-то за что корнешь? — спросил
Никишев. — Я всего третий месяц ди-
ректоромствую.

Главным агрономом был, все равно.
Впрочем, но на тебя, на министровских
зол. Бомбат бумажками, а самих на арка-
не в колхоз не затащишь.

Такие нарекания я слышал не только в
Яльчинском и соседнем Чувазовском, но и
в Шихазанском, и в Ивильском, и в Ок-
тябрьском районах. Люди ссутают на то,
что вот уже на протяжении многих лет
они не видели у себя в колхозах специа-
листов из Министерства сельского хозяй-
ства — ни московских, ни даже чебоксар-
ских. А по моему бы, говорят, им не при-
ехать, не пожить с недельку, аругую, по-
обстоятельнее не разобраться в делах да не
помочь практически местным агрономам и
зоотехникам?

Максимилиан Федотич, — обратил-
ся Васильева к директору МТС, — а не
получится так: вот передаете нас сейчас
колхозам, а потом забудете про наше су-
ществование? И МТС и министерство? Ведь
и так-то, когда у вас в штате были, не
особенно баловали нас своим вниманием.

Да, кстати, — вмешался председа-
тель, — передай-ка, товарищ директор, по
своей инстанции, чтоб до Москвы долто:
почему это денежную доплату специа-
листам районнодел будет производить?

А кто же?
Через МТС надо бы, — встала Ев-
сильева. — Ну, какое к нам имеет отноше-
ние райфо? Придем мы туда, деньги полу-
чим, день зря прощаемся? — и все. А
установить бы твердые дни, скажем, два
раза в месяц. Мы собирались бы все вре-
мя, в МТС, встречались с товарищами.

Да лекцию толковую к тому дню
приурочить, — добавил Василий Василье-
вич.

— Пока что сам не
знаю, как будет обстоять
дело, — признался Ники-
шев. — Не было еще ника-
ких указаний на этот счет.

— Вот-вот, а я о чем говорю! — ожив-
ился председатель. — Работаем, так ска-
зать, как часы: заводит — ходим, не за-
ведет — стоим.

Васильева спросила:
— А если эти указания будут похожи
на Положения об агрономе и зоотехнике —
все в мировом масштабе и ничего конкрет-
ного? Тогда что?

— Ну, тогда что-нибудь придумаем.
Зайцев не вытерпел:
— Не тебе одному в упрек будь ска-
зано: плохо думаете!..

С этим нельзя было не согласиться. Не-
сколько часов назад я беседовал с первым
секретарем райкома партии Георгием
Александровичем Алексеевым. Он пространно
и деловито говорил о роли специалистов
сельского хозяйства в колхозах, ратовал за
то, чтобы в районе их было как можно
больше. Но когда речь зашла об улучше-
нии быта и условий работы специалистов,
о том, как в связи с их переходом из штат-
ной МТС в колхозы районная партийная
организация намерена воспитывать агро-
нома и зоотехника, красноречие секретаря
райкома спало.

Да там МТС планирует что-то. А
мы совещание председателей колхозов вме-
сте со специалистами провели...
Кстати, о совещаниях. Васильева гово-
рила мне:

Знаете, как надо эти совещания!
Ведь каждый раз одно и то же. Живого
слова не услышишь, чаще всего качалка!..
Мы шли вдоль оземных.

Правильно говорят, что агроном и
зоотехник — большая сила в колхозе.
А раз так, то почему бы не созвать
свед специалистов сельского хозяйства?
Послушать бы, как выращивают пше-
ницу, кукурузу или картофель, как по-
лучают высокие урожаи или откармли-
вают свиней в соседних республиках или,
скажем, в Московской области. Знаете, как
было бы полезно! И почему, допустим,
нельзя от нашей республики послать де-
путата агронома в Терентий Семенович
Мальцеву? Чтобы учиться на его примере.

Откуда-то из-за оврага налетел ветерок,
потрогал зеленые оземные, пошевелил пыль
на дороге.

Правда, приятно, когда свежий ве-
тер — удивлялась Васильева. — Вот так
бы и в работе всегда свежим подувало!
Хорошо бы дело пошло, ой, как хорошо!

Васильева с минуту помолчала, сбавила
шаг, потом свернула влево и остановилась.

Вот эта роль посеяна по занатому
пару, — объяснила она. — И без пере-
нашки, после двухкратного рыхления. Для
опыта. Посмотрим, что получится. И с
свои сева на свой риск изменили. Знаете, у
нас оземные каждый год перестают.
Сколько раз и я и Василий Васильевич
просили в министерстве посмотреть, раз-
браться. А отсюда стандартный ответ: не
мудрите, сев начинайте, как всегда, 11
августа. Ну, а мы ввязали да на пятидневку
позднее начали. А оземь, видите, нормаль-
но развивается!..

Когда мы вернулись с поля, бригадир
третьей полеводческой Алексей Михайлов-
ский развернул карту севооборотов и, по-
казав на ней какой-то квадрат, обратился
к агроному:

Посоветуйте, пожалуйста, Евлалия
Ивановна, какие удобрения планировать
вот на этом участке? Многие перепробова-
ли, а все что-то не в пользу.

Да я и сама замучилась с этим
участком, — призналась Васильева. — Вы
вот что. Алексей Петрович: возьмите-ка
местах в лясей почву. Пошлим в Чебоксары
для анализа. Выясним точно.

Потом, обратилась ко мне, пояснила:
в колхозах и даже в МТС нет и самого про-
стейшего лабораторного оборудования.

В правление шумно вошел Василий Ва-
сильевич с зоотехником Кузьминой.

Собирается в Чебоксары, Евлалия
Ивановна, — сказал он агроному. — Да
поживе. Через час выезжаем.

А что, разве выезжают? — махнул
рукой председатель. — В Моргуапу сель-
публичное совещание по откорму сви-
нью. Нас вот с зоотехником тоже не вы-
зывают. А мы сядем в машину да поедем.
Кто нам запретит передовой опыт смотреть?

Яльчинский район, Чувашская АССР

Широкой известностью пользуются ма-
стера художественно-промысловой артели
«Учуальшина» Станиславской области.
Они изготавливают декоративные вазы,
шкатулки, чернильные приборы, малозна-
комую мебель.

На снимке: лучшие резчики по дереву
(слева направо) И. Балагурак и Д. Га-
вриш.

Красный флаг

Отели стоял на набережной
в парке,
Где растелились тени голубые,
Где скамеечки,
как байдарки,
Все пришвартованы
к эстраде были.

И удивилась я с какою целью,
Послушная какой магнитной
стрелке,
Вдруг повернулись
к нашему отелю
Почти что все садовые скамейки?

И публика сидит уже иная —
Не торгашин,
не жени и дочки.
И, ничего еще не понимая,
Я обратился
к девушке в платочке:
«Кого-нибудь вы ждете

из гостиницы?
Что там такое?
Что вы увидели там?»
Взметнулись удивленные
ресницы:
«О, разве вы не видите, мадам!»

«Нет!..»
Предо мною
пристальные лица,
Аллея парковой сквозной пролет
И самая обычная гостиница,
Где наша делегация живет.

Но вновь ресниц недоуменный
взмах,
И девушка сказала:
«Красный флаг!
Мадам, взгляните:
красный флаг!»

Да! Красный флаг был
на фасаде дома,
Но выглядел так просто
и знакомо,
Так по-всегдашнему свежо и ало,
Что я его не сразу увидела.

Не разглядела, что,
стремясь вперед
К мечтам большим
от развлечений жалких,
Не публика была, а был народ
Передо мной в женевском
старом парке.

Не сразу я сумела разглядеть
За пестротой впечатлений
разных,
Что предо мной не просто
будний день, —
Нежданный праздник.

Екатерина ШЕВЕЛОВА
ЖЕНЕВА, июль, 1955

День поэзии в Ама-Ате
АЛМА-АТА. (Наш корр.). На днях около
тридцати поэтов пришли к прилавок книж-
ных магазинов города. Они не только про-
давали сборники стихов, писали автографы,
но и отвечали на вопросы покупателей, чи-
тали свои произведения, рассказывали о
творческих планах. Особенно многолюдно
было в магазинах, где находились поэты
Тайр Жароков, Хамит Ергалиев, Жумагалы
Сани, Леонид Кривошеин, Сырбай Маулен.

К концу этого дня на полках книжных
магазинов почти не осталось ни одного
сборника стихов.

НОВЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ
ОБЪЕДИНЕНИЯ

Семь литературных «сред» были посвя-
щены знакомству с новыми книгами мест-
ных авторов. Обсуждены рукописи закон-
ченных и подготовленных к печати книг
стихов Л. Татвичевой и Я. Вохмешеева,
третьей книги романа А. Шмакова «Пе-
тербургский изгнанный», сборника рассказов
молодого прозаика М. Аношкина, пьесы о
рабочем классе Н. Смелянского и ряда дру-
гих произведений.

Оживилась работа и литературных объ-
единений области, в частности магнитогор-
ского. Здесь в местной печати регулярно по-
являются литературные странички, члены
объединения выступают по радио, в клубах,
в цехах, молодежных объединениях.

Недавно создано два новых объединения.
Одно из них — в шахтерском городе Копей-
ске, где 25 начинающих авторов пробуют
свои силы в жанрах рассказа, очерка, сти-
хотворения. Второе объединение организо-
вано на Челябинском тракторном заводе.

Литераторы Челябинской области гото-
вят изданий к XX съезду партии. Предла-
гается выпустить трехтомник лучших про-
изведений местных писателей и сборник
очерков о людях промышленности, сельского
хозяйства и транспорта.

Бюро местной писательской организации
решило провести в Челябинске «День ли-
тературы» по примеру московского «Дня по-
эзии».

Л. ЧЕРНЫШЕВ
ЧЕЛЯБИНСК

ПО СЛЕДАМ СУДЕБНОГО ДЕЛА ТЯЖКИЙ ПРОСЧЕТ

ИЗ ВСЕЙ КОМПАНИИ, ПО-
ПАВШЕЙ ПО ЭТОМУ ДЕЛУ НА
СКАМЬЮ ПОДСУДИМЫХ, ПО-
ЖАЛЫ, САМОЙ ИНТЕРЕСНОЙ
ФИГУРОЙ БЫЛ УЧЕНИК РЕ-
МЕСЛЕННОГО УЧИЛИЩА № 30
Лев Зайцев. Примечательен Зайцев прежде
всего своей тщательной продуманной ма-
скировкой. Он комсомолец и даже ком-
сорг группы. Ему выдана небольшая ха-
рактеристика. Директор ремесленного учи-
лища Д. Яковлев, секретарь партийной орга-
низации В. Конопелько и заместитель секре-
таря комитета комсомола Н. Базанов даже
обратились в Верховный суд РСФСР с
просьбой вернуть Зайцева в училище — это
после того, как городской суд приговорил
его к пятнадцати годам заключения.

В семье Лешушки тоже вел себя пример-
но. Его мать с запоздалым огорчением го-
ворит о сыне: «Хороший он был у меня,
слушался всегда во всем... А вот, поди же,
какая напасть случилась! Отчего бы это?»

В самом деле, отчего? Почему Зайцев и
его друзья пошли по пути преступлений,
начали грабить людей, отнимать у них
под угрозой оружия деньги, часы? И по-
чему во-первых не заметили родители,
что их сыновья катятся по наклонной плос-
кости? И почему их товарищи по комсомо-
лу, работе и учебе, педагоги и воспитатели
допустили такой тяжкий просчет?

К сожалению, громоздкие материалы су-
дебного дела не дают ответа на эти во-
просы. Правда, Лев Зайцев пытался объяс-
нить дело так: «Бардин оставил работу, его
попросили из общежития... Командант потре-
бовал погасить долг за квартиру, задер-
жал паспорт. У Бардина не было денег, ре-
шили помочь... У кого-то возникла нехоро-
шая мысль... ее поддержали, напали на
женщину, отняли часы и рублей пятнадцать.
Ну, а там уж я пошел...» Это так и
другие приятели «бесшабашного» Бар-
дина, молодые люди, которые зарабатывали
в среднем по тысяче рублей в месяц каждый!

Некоторые подсудимые ссылались на су-
ровую дисциплину, которая якобы царила
в их компании, — не согласился грабить,
поплатиться головой! Об этом опять-таки
старательнее всех разглагольствовал на су-
де Зайцев: «Я знал, что меня могут
убить, если я не соглашусь действовать
заодно, и тем более, если выйду из группы.
Я очень боялся и продолжал грабить, хотя
меня и мучила совесть».

И эту ложь легко разоблачить. Ведь не
использовал расправы свидетель — семна-
дцатилетний Юрий Киселев. Ему трижды
предлагали «работать» в шапке, и он три-
жды с негодованием отвергал грязные пред-
ложения.

Автор этих строк решил спросить о при-
чинах преступления работников юстиции.
— Тут все зависит от воспитания, — за-
явил юрист Х., которому не раз приходилось
участвовать в подобных процессах.

А я объясню все тем, что у нас мно-
гие ребята бездельничают, — утверждает
юрист И.

Нет, мне кажется, что основная при-
чина в том, что многие подростки по тем
или другим семейным обстоятельствам рано
приобретают самостоятельность, — говорит
юрист Я., — начиная выходить из-под ро-
дительского контроля, связываются с пор-
очными людьми и гибнут...

Беседуя с председателем Ленинградского
городского суда Г. Еременко.

Причин, конечно, много, — говорит он. —
Некоторую роль играют и ранняя материаль-
ная самостоятельность: у парня свой заре-
боток, он изредка даже помогает матери,
ну и задирает нос... серьезной причиной,
порождающей преступление, является улица
— она не контролируется надлежащим
образом, молодежь там предостаточно са-
мой себе или влиянию уголовных элементов.

Верно и то, что мы, работники суда и про-
куратуры, уделяем мало внимания так на-
зываемому «облаффакту», не предупреждая
преступлений. Откровенно говоря, у нас для
этого попросту времени не хватает. Об-
щественные же организации слабо помогают
нам в этой чрезвычайно важной работе.

Все эти соображения, конечно, верны, но
все они слишком общи, чтобы с их по-
мощью можно было объяснить что-либо. Ни
из самого дела, ни из бесед с работниками
суда я не узнал конкретных причин паде-
ния Зайцева и его друзей. Суд и прокура-
тура действовали в рамках голых норм,
забыв об иллейной стороне своей деятельно-
сти, о воспитательной функции советского
закона, советского суда, советской прокура-
туры — о том, чего забывать никогда
нельзя.

Формализм и беспечность в деле воспи-
тания — острое зло. В этом я лишний раз
убедился, изучая трехтомное судебное дело
Зайцева и его друзей, беседуя с родите-
лями и воспитателями.

Превозшедший остальных участников гра-
бежей во лжи и лицемерии, Зайцев хранил
дома два ножа. С этими ножами он по ве-
черам выходил «на добычу». Мать Левы
была настолько ослеплена достоинствами
сына, его послушанием, что во время
обиска, когда ножи эти были обнаружены,
не хотела признать, что они принадлежат ее
«мальчику».

Парень, у которого молоко на губах не
обсохло, все чаще и чаще приходит домой
навеселе, он пошатывается, от него несет
водкой. В доме лишнего денег нет, мать не
балует сына. Почему же она не обращает
внимания на эти «безобидные шалости»?
Почему только изредка прибегает к вялым
упрекам: «И не стыдно тебе? Чтоб этого
больше не было!».

Удивительно, преступную беспечность
проявил заместитель начальника 20-го отде-
ления милиции Ленинграда В. Антонов. Едва
заместитель сын Михаила (кстати, странно,
почему по этому делу отсутствует не при-
влекли к уголовной ответственности?) «по-
знаватель» у лопы боевой пистолет и пере-
дал его в распоряжение шапки. Похоже
на дурной анекдот: Антонов принимает в
своем служебном кабинете допросы о про-
исшествиях во вверенном ему районе, а в
это время шапка грабителей приставляет
его собственный пистолет ко лбу гражда-
нина М.

Только равнодушием, только формаль-
ным отношением к своим прямым воспита-
тельным обязанностям можно объяснить по-
ведение работников ремесленного училища
№ 30. Заместитель директора по учебной
и культурно-воспитательной работе В. Ко-
нопелько весьма охотно рассказывал мне
о достижениях училища: отсюда ежегодно
выходит свыше пятисот хорошо подготов-
ленных молодых рабочих... Меня водили по
прекрасно оборудованным мастерским, по-
казывали многочисленные грамоты и кубки,
свидетельствующие о спортивных достиже-
ниях воспитанников училища, познакомили
со статьей в газете «Смена».

«ДЕТИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ВОЗВРАЩЕНЫ В ШКОЛУ!»

Под таким заголовком в № 98 «Литера-
турной газеты» было опубликовано пись-
мо директора Орепичской средней школы
Г. Германовича, в котором он сообщил о
том, что в Жабинковском районе Брестской
области нарушается закон о всеобщем,
а местные советские и партийные органи-
зации не принимают мер, чтобы вернуть детей
в школу.

Отдел школ Брестского обкома Комму-
нистической партии Белоруссии сообщил

— Я очень прошу
вас, — говорит Конопель-
ко, — внимательно про-
считать эту статью... О нас
так сказано много хоро-
шего и ничего плохого...
— Сосем неизвестный, какие-то ед-
нолично... А в чем, собственно, дело? — И Ко-
нопелько с еще большим жаром начинает
перечислять успехи училища.

Конопелько — один из тех людей, которые
несут значительную долю ответственности
за двойную жизнь Зайцева.

«Хороший был парень, активист, увлекал-
ся спортом, учился хорошо, из него вышел
бы замечательный специалист...»
— А как вел себя Зайцев дома? С кем
дружил? Чем интересовался?

Этого, оказывается, никто не знает.
Секретарь комитета ВЛКСМ училища
С. Куделько откровенно признается:

Домой мы к Зайцеву не ходили, как он
живет, не знали. Да ведь нам никто не
сигнализировал...
— Будем надеяться, что больше таких
случаев у нас не будет, — горько заверяет
Конопелько. — И потом, честное слово, я
придаю значение этому случаю: один человек
сорвался, понимаете, один из пяти-
сот! Это ведь тоже своего рода накладные
расходы, издержки производства...

Руководители и педагоги училища обна-
ружили, что их «хороший» воспитанник пе-
рестал посещать уроки. Они недоуменно
разводят руками:

— Не заболел ли?
— На вопрос ответил милиция:
— Зайцев арестован!
— За что?
— Узнаете после...
И все!.. Этим и ограничился интерес ра-
ботников училища к своему ученику. Даже
тогда, когда состоялся приговор, никто не
подумал зайти в суд, чтобы получить пол-
ную, объективную информацию по делу
Зайцева. Никто не задумался над тем, как
на этом печальном примере научить других,
как улучшить воспитательную работу в учи-
лище.

Нельзя в этой связи не упомянуть проку-
ратуру и суд. Что помешало им о факте и
характере преступления Зайцева и остальных
грабителей своевременно поставить в
известность школы, в которых те обучали-
сь и воспитывались, на которых они рабо-
тали? Почему бы не снабдить эти учебные
учреждения необходимым материалом в воспитатель-
ных, пропагандистских целях? Совсем непохо-
же было бы, если бы судебные работники
вышли сами на место и толково, горько
рассказали о безобразных делах Льва
Зайцева и его приятелей, сорвали с них
маску «хороших парней».

Нет, нельзя так работать с молодежью.
Любая ячейка нашего общества, будь то
школа или предприятие, — это прежде всего
коллектив, органически спаянный совме-
стной учебой и работой, а главное — единой
цели. В процессе труда или учебы, в про-
цессе непрерывного каждодневного обще-
ственного воздействия и контроля должен
рости, иллейно и культурно обогащаться каж-
дый рабочий, каждый студент. Срывы про-
исходят именно тогда, когда отдельные люди
остаются вне поля зрения коллектива.

Правильное воспитание невозможно без
горячей души, без сердечного проникнове-
ния в повседневную жизнь молодого чело-
века. Это, разумеется, нелегкая задача,
нелегкая, но вполне осуществимая. Тут
большое значение имеет живой контакт
между семьей и школой. Об этом у нас
много говорят, но мало что делают для то-
го, чтобы такой контакт укрепить.

При «доследовании» этого уголовного де-
ла в ленинградском школе № 83 мне рас-
сказали о таком случае: в школу поступил
сигнал от отца девятиклассника Всеволода
С. Этот ученик отвратительно вел себя
дома, связался с какими-то подозрительны-
ми парнями, начал курить, иногда даже
выпивал. На замечания отца отвечал сам-
бой — я, мол, уже не маленький и гра-
ждою себя вести и с кем дружить.
Отец откровенно, с огромной родительской
тревогой признался, что он бессильно благо-
разумить сына, почему и просит «директора
школы и наш славный ленинский комсомол
помочь старику, сделать все, чтобы парень
стал прежним: честным, трудолюбивым
советским школьником».

Через несколько дней письмо бурно об-
суждалось на комсомольском собрании.
Всеволод получил хорошую взбучку. После
собрания его тайно и явно окружили та-
ким вниманием, что он очень быстро по-
шел на поправку. Теперь он ведет себя
хорошо. А если бы его отец не забил во-
время тревогу, кто знает, не пошел ли бы
этот школьник по пути Зайцева...

Нет никаких сомнений, что при правиль-
ной постановке воспитания в ремесленном
училище, при большем внимании к каж-
дому ученику, каждый студент должен бы
Зайцева. В самом деле, неужели во всем
училище не нашлось у него товарищей, ко-
торые могли бы воздействовать на парня?
Что помешало посетить его дом, поговорить
с матерью? Проглядела. Были слишком за-
няты успехами, которые вскружили голову
руководителям училища.

Сейчас они обеспокоены, боятся огласки
позорной истории с Зайцевым: «Ведь стар-
шая, старшая, а в случае огласки все
пойдет на марку».

Велика в формировании нового человека
роль наших общественных организаций.
К сожалению, настоящую воспитательную
работу нередко подменяют казенщиной,
«мероприятиями» для статистики...

Следует резко повысить также и ответ-
ственность родителей за воспитание детей.
Тех родителей, кто оказался не на высоте,
чьи дети встали на путь преступлений, надо
лишить уважения общества. «Вина (подчерк-
нуть мною. — И. Н.) или заслуга детей в
огромной степени ложится на головы и со-
весть их родителей» (Ф. Дзержинский).

Известно, что нашему социалистическому
обществу чужда проблема «отверженных»,
но нам в равной мере чужды либерализм и
санкционирование.

Наш народ вправе претендовать на
безупречный порядок везде: на улицах, в
парках, в клубах, в домах отдаленных. Всево-
можным тунеядцам и хулиганам не должно
быть нигде места, их надо решительно гнать
отовсюду. В нашем советском обществе
можно жить только по-советски, то есть
прежде всего честно!

Органы правосудия тоже должны основа-
тельно пересмотреть свою работу в смысле
правильного сочетания репрессий с преду-
преждением «болезней», с профилактикой.
Пусть прокуроры, судьи, адвокаты, работ-
ники милиции объединят свои усилия с об-
щественностью.

ЛЕНИНГРАД

Искусство волшебника

Моей самой любимой игрушкой в детстве
был волшебный фонарь. Мне было около
восьми лет, когда я получил его в подарок.
И, пожалуй, это была единственная игруш-
ка, которая непономанной перешла в на-
следство к моей младшей сестре.

Почти каждый вечер, пока я
не стал школьником, дрожаниями от волне-
ния руками я зажимал маленькую кероси-
новую лампочку волшебного фонаря и на-
правлял его свет на белую стену. Причем
пластинки с рисунками я уже знал наизу-
сть и ловко вставлял их на места, требуя
себя, будто совершал чудо, творя
большое искусство. Попадавшие
на стену в темноте разноцветные, ярче
изображения вначале представлялись мне
сказкой, а потом, когда я вырос, а их
всплывала в себя, как стихи или рассказы.
Так длилось довольно долго. Затем я рас-
стался с волшебным фонарем и опять
встретился с ним уже в школе. На этот раз
это было не сказочное мерцание в темноте,
не стробы стихов, а изображения физиче-
ских приборов.

После этой встречи прошли длинные
годы. Я полагаю, что волшебный фонарь со-
старится раньше меня и отойдет в предан-
ие. Между тем мы с ним встретились
снова. Он сильно помолодел и совсем не
собирается уходить из этого мира. В нем
горят не керосиновая лампочка, а электри-
ческая Б-тому же на пластинках не при-
мятные, раскрашенные рисунки, а ре-
альные черно-белые и цветные изображения,
фотографии, которые на белой стене вос-
принимаются как настоящие кинокадры.
Все это кратко называется диафильмом.

У нас в Турции, в Китае, на островах
Такого океана распространены особый вид
театра — театр теней. Мы, турки, называ-
ем его Карагёзом. Со временем у нас его
почти заменило кино, но я уверен, что Кара-
гёз возродится вновь. Кино не вытесни-

Забора о литературной смене — забора о затронутом дне нашей литературы. Это теперь признают все: писатели, критики, издатели. Но одно дело — признавать важность работы с молодыми, другое — проводить ее планомерно, повседневно, изыскивая новые эффективные формы воспитания будущих «инженеров человеческих душ».

Мои товарищи по Саратовскому отделению Союза писателей не прочь при случае похвалиться результатами своей помощи молодым. И надо сказать, они имеют на это некоторое право: пятеро из молодых выпустили первые книги; пьесы двух поставлены на местной сцене; более десятка человек из литкава регулярно печатаются в альманахе «Новая Волга» и сборниках для детей «Юный»; трое недавно приняты в члены Союза писателей.

И все-таки, если глядеть правде в глаза, успехи эти больше чем относительны. Дело в том, что многие из наших молодых давно уже немолодые, пишут по десять-пятнадцать лет, что осуждено печально, пишут «на среднем уровне», не поднимаются до больших художественных обобщений.

Некоторые время назад бывший командир эскадры морской пехоты саратовец Юрий Семенов напечатал в местном альманахе полубиографическую повесть «Прощайте, скальские горы!», посвященную героическим подвигам советских воинов в дни Отечественной войны. Повесть получила одобрение некоторых московских критиков и даже была рекомендована ими Воениздату. Однако в план изданий ее так и не включили. Побродив несколько месяцев от рецензента к рецензенту, повесть благополучно вернулась к автору.

Примерно такая же печальная участь постигла в Дегизе сборник рассказов Екатерины Рязановой и направленные в «Новый мир», «Октябрь» и другие столичные журналы стихи ряда молодых поэтов. Они не выдержали соревнования во всеобщем масштабе и остались достоянием только нашего, саратовского читателя.

И еще один факт — случай с поэтом Исаем Тобольским, автором четырех книг для детей. Все мы, в том числе и я, считали его чуть ли не «саратовским Маршак» и уж во всяком случае не сомневались в его таланте, тем более, что стихи Тобольского обычно не залеживаются на книжных полках. Однако Тобольского в Союз писателей пока не приняли.

Казалось бы, тут-то и заступался писателем над качеством своей работы с молодыми и доискивался до истинных причин их несостоявшихся дебютов на всеобщей арене. Но в Саратове не любят говорить об этом. Зато здесь охотно рассуждают о вреде нигилизма, которым якобы заражены некоторые издатели и редакторы, о равнодушии критики к произведениям молодых, придирчивости рецензентов и прочих приходящих обстоятельствах, явно избегая прямого разговора по вопросам литературы.

Накануне Второго всеобщего съезда писателей и вскоре после него в нашей печати было опубликовано немало интересных статей, посвященных насущным проблемам литературы и писательского мастерства. Однако ни одна из них не стала в Саратове предметом широкого обсуждения с участием литературного актива. Правда, осенью прошлого года отделение Союза пыталось провести нечто вроде дискуссии о положительном герое, но все фактически свелось к двум-трем замечаниям по докладу.

Приведу другой пример, кстати, достаточно характерный во всех отношениях.

Не так давно автор этих строк в сотрудничестве с театральным режиссером Я. Явчуновским выступил в областной газете «Коммунист» с небольшой статьей о пьесе Е. Бондаревой «Хрустальный ключ», поставленной Саратовским театром имени Барла Маркса. В статье были подвергнуты критике серьезные, на наш взгляд, идейно-художественные промахи молодого драматурга, постановщика и некоторых артистов-исполнителей. В частности, указывалось, что в пьесе и спектакле тема бдительности решается на мелких бытовых эпизодах и преимущественно внешне, без глубокого проникновения в суть отображаемых событий, в характеры людей.

Мы отнюдь не претендовали на безусловные оценки и выводов. Мы лишь высказали свое отношение к постановке, надеясь, что товарищи, думающие иначе, воспользуются этим и организуют деловой спор о качестве пьесы и путях ее доработки. А что получилось на деле? Автор пьесы при молчаливой поддержке секретаря отделения тов. Озерного перенесла вопрос в различные инстанции (десять, пьеса идет в Москве, а вы критиковать?!). И спор не состоялся.

Отсутствие деловой, принципиальной критики и самокритики в писательской среде, атмосфера местничества благодушия и довольства частными удачами — такова, думается, первоочередная замедленная творческого роста молодых (да и «старых») литераторов Саратова.

Вторая, тоже очень важная, причина этого коренится, на мой взгляд, в устаревших формах организационно-массовой работы с молодежью и связана с формальным отношением писателей старшего поколения к воспитанию литературной смены.

С некоторых пор в Саратове, как, впрочем, и в других областных центрах, установилась унылая практика «дежурных» собраний. Надо, скажем, издательству заручиться мнением Союза относительно какой-либо рукописи, намечаемой к изданию, вот и выносятся она на обсуждение, хотя далеко не каждая из них представляет широкий интерес. Надо — так надо. Собирайтесь, товарищи!

Примечательен и сам характер обсуждений. Они проходят вяло, на невысоком уровне и чаще всего без учета достижений советской литературы. Говорят больше о частностях литературной формы, нежели об искусстве отражения жизни в ее существенных моментах и конфликтах. И неудивительно поэтому, что творческая молодежь мало что получает для себя на таких собраниях.

Сознание снова на факты. Стихи С. Баранова и басня А. Коваленко обсуждались в отделении многократно и каждый раз с одним и тем же результатом: поэт и баснописец посыпают, слушают и... снова пишут по-старому. И это не потому, что они, скажем, мало талантливы или не хотят работать над собой. Нет. У того и другого встречается подчас отдельные удачные строки, в том, что им в течение ряда лет говорили о недостатках языка и стиля, а надо было говорить прежде всего о недостатках творческого подхода к жизни, о бедности творческой мысли, о пагубной для них привычке набрасывать на современный материал готовые, преимущественно обветшалые литературные формы.

Вполне понятно, что при такой постановке темы пришлось бы значительно раздвинуть рамки собрания, обратиться за примерами наряду с рукописями местных авторов к выдающимся произведениям современной и классической литературы. Именно такой широкий разговор нужен молодежи, если мы всерьез хотим помочь ей прочно стать на ноги.

А. М. Горький в статье «О литературной технике» писал: «Надо учиться наблюдать, сравнивать, отбирать классово-типичное в революционере-пролетарии и в консерваторе-мещанине; надо учиться различать в понятиях старое и мед новое. Надо изучать приемы и технику литературного труда, только при условии овладения этой техникой возможно передать материал более или менее совершенную художественную форму».

К сожалению, у нас часто забывают об этом горьковском указании и больше декларируют необходимость профессиональной учебы, нежели организуют ее на деле.

Отсутствие вкуса к теории и практике советской литературы, местно-областной подход к организации профессиональной учебы, сводящейся обычно к поверхностному обсуждению дежурного содержания или рукописи, — такова, на мой взгляд, еще одна важная причина того разрыва, который наблюдается на местах и, в частности, в Саратове, между творческими возможностями литературной молодежи и результатами ее творческой работы.

Наконец, следует особо сказать о лживом внимании к молодым под флагом стимулирования их творческой активности.

В 1952 году мне пришлось быть редактором первой книги молодого поэта-саратовеца Петра Лопухова. Стихи — дело простое — не отличались глубиной содержания и цельностью образов. Но меня, как и других давнишних шефов Лопухова, подкупил зримость отдельных поэтических деталей, энергия ритмов. «Было бы чувство поэзии, а глумливая и цельность образов придут», — отвечали мы на замечания некоторых более трезвых критиков. Но странное дело: со дня выпуска книги пошел уже третий год, а Лопухов так и не преодолел фрагментарности своих стихов, больше того, почти совсем перестал печататься. А человек он, несомненно, одаренный.

Печальный эксперимент с Лопуховым, за который все мы, и я лично, несем моральную ответственность, ничему не научил секретаря отделения. Последнее время тов. Озерный носится с идеей создания сборника молодых прозаиков, в который собирается включать еще очень сырые произведения только что начавших печататься авторов.

Редакция детского сборника «Юный», желая поощрить молодого прозаика Г. Корниенко, напечатала (в четвертом выпуске) его повесть, не поработав над ней, не отредактировав.

Саратовская организация писателей — одна из наиболее крепких и творчески активных на Волге. Она объединяет 13 членов и кандидатов в члены Союза, вокруг которых группируются молодые и начинающие авторы, чьи первые шаги заслуживают внимания. Тем выше должна быть требовательность организации к себе и своей смене, тем настойчивее поиски новых эффективных форм повседневной работы с молодежью.

Мих. КОТОВ

САРАТОВ

Первые стихи Владимира Луговского о туркменской земле, о ее неповторимом колорите, о ее мужественных и стойких людях появились еще в 1930 году, когда поэт побывал в Туркмении с писательской бригадой. Последние датированы 1954 годом. И не случайно книга русско-туркменского поэта вышла у нас в Ашхабаде в дни подготовки к декаде туркменской литературы и искусства. Четверть века поэт пишет о преображении Советского Востока.

«Жизнь возмужает вещами простыми», — написал В. Луговский в стихотворении «Новый дом», посвященном людям города нефти — Небит-Дага. Поэт умеет увидеть за простыми вещами величие нашего времени, умеет вдохновенно рассказать об этом.

Успех поэта рождается не в тот момент, когда он садится за свой рабочий стол. Если поэт позволил себе остаться наедине с чистым листом бумаги, не облада достаточным запасом наблюдений и впечатлений, ему выгода не написать таких, например, строк:

И устанавливается

колесо,

повернутое

на восток.

Этими словами заканчивается стихотворение «Чигирь». Колесо чигиря замерло, остановилось верблюд, веками крутивший его, — ярдом водонапорный насос бешено говорит... Так увиденная в жизни деталь входит в поэзию и с поэтической достоверностью утверждает новую жизнь, пришедшую в далекие пески.

Изучать жизнь... Без этого признава не обходится ни одно литературное совещание, ни одна статья в газете на литературные темы. Но надо еще знать и то, как жизнь изучать. И нам кажется, сборник В. Луговского «Стихи о Туркмении» является примером успешного познания поэтом действительности, о которой он пишет.

Реальная жизнь республики за последние четверть века, с ее победами и трудностями, с радостью преодоления этих трудностей, встает за стихотворениями сборника. Чувствуется, что поэт прошагал не один десяток километров по пескам со своими героями, делал с ними последний годовой шаг на привалах. В Луговского хорошо знают пограничники на далеких заставах и чабаны на отгонных пастбищах, его видели строители в Караум-Низ-Шоре — этом форпосте Караумского канала, на нефтяных промыслах Небит-Дага и Челекена, на хлопковых полях Мургаба. И в этом есть несомненная связь с тем, что мы хорошо представляем себе его многочисленных друзей-героев — обветренных, опаленных безжалостным солнцем пустыни, уверенных в своих силах.

Стихотворения, открывающие сборник, ведут в тридцатые годы, перед нами возникают суровые и романтические будни первой пятилетки. Мы встречаемся здесь с людьми, ликвидирующими срыв посевной в отстоящем районе, вместе с миллионером Нури в долине Сулбара мы гонимся в далеких безводных песках за колдоборными басмачами и слышим свист их пуль, по вьючным тропам попадаем в горы, к границе. Рвут витерит, окаменелый газ;

Владимир Луговский. «Стихи о Туркмении». Туркменгосиздат, Ашхабад, 1953.

здесь шестнадцать рабочих-туркмен — новые горячки, и с ними седой штейгер из Дюбасе, который учит горному делу молодую поросль рабочего класса Туркмении.

Все это надо было увидеть и осмыслить, чтобы иметь право написать: «На свете все одолевает привык пустыню обдувавший большевик». Эти строки не воспринимаются, как громкая декларация, потому что своим взволнованным рассказом поэт подводит читателя к этой мысли.

Рассказывая о победе нового, В. Луговский не закрывает глаза на те трудности, которые шаг за шагом приходится преодолевать его героям. Новое рождается и побеждает в суровой борьбе.

Рассказывая о настоящем, поэт задумывается о прошлом и тогда ведет читателя на Аха-Куйдынский перевал, где пролилась когда-то кровь двадцати шести бакинских комиссаров. Потом мы читаем в стихотворениях «Секретарь райкома» и «Небит-Дага» о сегодняшнем дне этого прекрасного места, где двадцать шесть большевиков взглянули смерти в лицо. Сегодня приезжего встречает здесь печаль лес нефтяных вышек, пробуренных советскими людьми.

Рассказывая о настоящем, поэт задумывается о будущем, которое ошутимо проступает в окружающей его действительности. Верный своему принципу говорить правду, он никому не обещает легкой жизни. Нет, он предупреждает:

Придется не раз поворачивать реку, прокладывая рельсы,

раскалывать горы.

Такие строки мы читаем в стихотворении с коротким названием «Строитель». Конечно, повернуть реку нелегко. Тому, кто знает, как строится Караумский канал, изданный от Аму-Дары вглубь песков, это понятно без лишних слов. И рельсы проложить в пустыне — дело не шутливое. Строители железной дороги в Караум — Кунград, дороги, лежащей в краю старых караумных троп, многие могли бы порассказать о том, как это делается.

Вам, родным и неведомым, говорит поэт, обращаясь к своим современникам и соотечественникам, нет на свете счастья большего, чем счастье служения родной земле. Так понимает его поэт, к этому пониманию призывает он своего читателя.

Мир поэта — это то, что он подметил в жизни, о чем рассказал в своих произведениях читателю. Собранные воедино стихи В. Луговского о Туркмении — не только успех поэта, но и поэтическое свидетельство замечательных перемен, происшедших за последние двадцать пять лет в одной из республик Советского Востока.

Очень верно написал об этих стихах в предисловии к сборнику Николай Тихонов: «...особым стиховым своеобразием помещены эти стихи. Их не спутаешь с другими и не пройдешь мимо них. Они могут быть хорошими слушниками и в пустыне и в горах. Они родились на этой жесткой и прекрасной земле, и очень хорошо, что они входят в туркменскую поэзию так же, как и в русскую. В них живет хороший зов больших пространств и дышание сильной, победоносной жизни».

Алексей БЕЛЯНИНОВ, Евгений ШИСТЕР

АШХАБАД

В секции переводчиков зарубежных литератур

Состоялось отчетно-выборное собрание московской секции переводчиков зарубежных литератур. К собранию в Центральном доме литераторов была развернута большая выставка книг иностранных писателей, переведенных московскими переводчиками в 1954—1955 гг. На стендах — произведения

классиков и современных авторов двадцати с лишним стран.

В новое бюро секции вошли: С. Маршак (председатель), Т. Аксель, А. Анкист, Н. Арсеева, Н. Вильмонт, А. Гатов, Л. Гинзбург, Е. Калашникова, Н. Касаткина, И. Кашкин, В. Левик, В. Станевич, М. Шик.

Возвышенное и конкретное

За последнее время среди писателей усилились творческие споры о многообразии художественных средств в социалистическом реализме, о заостренности образа, об условности в литературе. В связи с этими спорами мне хотелось бы поделиться с некоторыми своими мыслями, используя материал, хорошо мне знакомый, — произведения моих товарищей, молодых узбекских писателей. Думаю, что это не будет нескромно, так как недостатки моих товарищей — это и мои недостатки. К сожалению, чаще видишь чужие ошибки, чем свои, и только тогда, когда товарищи помогают, становится ясней и легче понять то, что раньше самому казалось безупречным.

Мы плохо изучаем опыт всеобщей и узбекской литературы, мало задумываемся над тем, как создавались яркие образы и почему живут те или иные произведения. Мы как читатели помним эти образы и эти произведения, но как профессионалы не вдумываемся в причины их успеха и «долговечности».

И узбекский и всеобщий читатель помнит и любит Джамили из пьесы Хамзы Хакимзаде «Бай и батрак». Ючи из романа Айбека «Священная кровь». Букана на одноименной поэме Габуры Гуляма, Сиддыджана из романа Абдуллы Бахара «Огня Бошчиная».

Прошли годы, десятки лет, а образы эти остались в сердцах читателей. Почему? Каждый из них — представитель своего времени, своего народа, и представляет его, как сильно и резко очерченный характер с реалистически ярко выделенными, ведущими чертами. Хамза умеет усилить, «сфокусировать» образ. У Джамили и Ючи нет половинчатых чувств: их жизнь наярена до предела, их борьба целенаправленна. Хамза и Айбек ничего не смягчают: жизнь их героев полна сурового и высокого пафоса.

Я не сторонник нарочитого, искусственного сгущения красок. Надо «перевести» героя из жизни в книгу вместе с его буднями, повседневными делами, но надо видеть и подчеркнуть героическое в этих буднях, большие тревоги и крупные стрелы

Так же регистрирует события и Дж. Шарипов в повести «Саодат». Героиня этой повести также духовно беднее своего «прототипа» — вуадильской колхозницы Адалят, которую люди знают, как женщину мужественную, с крутым характером.

У героини повести Дж. Шарипова умирает муж. Но автор скупо сообщает об этом. Ему некогда останавливаться на сильных душевных переживаниях, ему нужно успеть проинформировать обо всем понемногу.

В произведениях С. Назара, Дж. Шарипова и Я. Шукурова сказались прежде всего, на мой взгляд, недостатки видения жизни, писательского мировоззрения, неумение постичь жизнь в главном, отличить существенное от мелочей. Нет героя вне действия и борьбы. Без героя, преодолевающего серьезные трудности и ставящего себе большие цели, книга не может воспитать. Воспитание — это прежде всего пример. А разве может стать примером для юного читателя «средний» мальчик из повести Я. Шукурова до того «средний», что автор боится даже, чтобы не дай бог, его герой на скачках не занял первого места, — пусть уж он займет третье.

Неумение найти патетическое, героичности наших дней, проявляется и в творчестве поэтов. В последнее время молодежь Узбекистана получила несколько поэм о комсомоле — «Долина молодости» Назармата, «Смена» Пулата Мумина и другие. Нужно сказать, что поэмы эти значительны по теме. В них много жизненных деталей, но и тут — опять то же хладнокровный пересказ событий, без художественных обобщений. На мой взгляд, искусство поэмы не в том, чтобы сказать обо всем, прямо или косвенно относящемся к теме, а в том, чтобы найти и раскрыть жизнь героев в высших ее моментах. Назармат и Пулат Мумин пересказывают стихами по порядку все, что происходило с их героями.

Так, рассказывая о жизни ремесленного учителя, Пулат Мумин не умеет отстранить само собой разумеющееся, отобразить типичное и важное во взаимоотношениях героев. Получается, что главное в отношении Хасана и Нурали то, что Хасан подсмеивается над Нурали, когда тот не выучит урока («Эх, ну и знаток!»). В нескольких главах рассказывается, как мастера и педагоги, комсомольская организация, в общем все коллектив учителя занимаются «перевоспитанием» Хасана... не пожелавшему лаять альбом своему товарищу (сты испачкались!). Строки множатся и множатся, а читатель остается равнодушным.

Авторы, ограничивающие себя обидными, затейливым описанием малозначительных событий, рисуют проглядеть настоя-

щую жизнь. ЦБ КПСС призывает нас, писателей, дать народу «искусство больших мыслей и чувств, глубоко раскрывающее богатый душевный мир советских людей».

Давно уже в узбекской поэзии не появляются таких художественно полноценных произведений, которые были бы событиями культурной жизни, как были ими в свое время «Россия» Х. Алимджана или «Ты не сирота» Г. Гуляма.

Говоря о недостатках сегодняшней нашей поэзии, особенно лирической, мы часто утверждаем, что многие наши поэты еще не освоились от влияния созерцательности, абстрактности феодально-ханской поэзии прошлого.

Несомненно, в узбекской поэзии новое — принципы социалистического реализма — победило. Об этом говорят лучшие, подлинно реалистические произведения Х. Алимджана, Г. Гуляма, Зульфийи, Т. Фаттахы, Мирмухсина, М. Бабаева и других.

Тем не менее мы должны помнить, что все старое живуче и проявляется разнообразно. Было бы упрощением сводить всю проблему просто к употреблению архаизмов. Стародавнее «восточное» красочное и выспренность, пышная описательность, присущие далекой от нужд наша феодально-ханской поэзии, все-таки проникают и в наши стихи. А за этой выспренностью скрывался уход поэтов от реальной жизни в «чистую» изоциренность формы. Художественные особенности здесь, как и всегда, связаны были с отношением поэта к жизни, с его мировоззрением.

Созерцательная, риторическая поэзия отдельных наших поэтов, на мой взгляд, — тоже следствие своеобразного «отрыва» от реальной жизни народа. Первый советский поэт Узбекистана Хамза Хакимзаде себе в условиях двадцатых годов нашел в себе силы отказаться от этого влияния потому, что жил вместе со своим народом. Его стихи не декларировали, а боролось. «На путях Туркестана» Г. Гуляма, «Прощедальница» Айбека, «Джантемир» Уйгуна, «Ответ Саодат» Зульфийи, «Черные очи» Мирмухсина, «Под небом Ирана» М. Бабаева — стихотворения активного творения поэтов в действительность.

Однако мы все чаще и чаще в последние годы читаем стихи, в которых декларативность и риторика, прикрывающие незнание действительности, неумение владеть средствами реалистической поэзии, выдают за поэтический пафос.

Вспомням стихи В. Маяковского. Истинный пафос поэта не только в ораторских его возгласах, а в содержании всего про-

изведения. Маяковский сначала дает сильные, реалистические, с конкретными подробностями картины, а затем, как вывод, — патетическое обобщение:

Я знаю — город будет,
я знаю — саду цветет,
когда такие люди в стране
в советской есть!

Иные наши поэты начинают стихотворение с трескучих высокопарных строк, продолжают и кончат им же. И получается беспредметная, безжизненная «то-ля» риторика: совсем так же, как в каких-нибудь хвалебных одах-касыдах прошлого.

Вот передо мной стихи Хабиба:

У нас в стране есть чудесные сады,
В горах ее много богатства, много шахт,
Страна богата учеными, трудолюбивыми
крестьянами,
Много у нас силы и возможностей.

Мне кажется, что эта строфа стихотворения о Родине, которое все состоит из подобных «поэтических образов», хорошо иллюстрирует влияние высокопарных стихов прошлого. При таком «перечислении» читатель не представляет себе ни садов, ни шахт, ни ученых, ни крестьян.

Другое дело, если поэт, вместо того чтобы называть в каждой строке тему для отдельного стихотворения, напишет конкретно о «чуждом саде» или даст картину труда на той же шахте, о которой он только упоминает; тут он мог бы создать конкретный образ садовника или шахтера — из их живых черт, характеров, портретами, с их думами и стремлениями.

Чтобы показать человека, поэт должен быть не просто наблюдателем, но активным участником жизни, а многие поэты пишут не о ходе борьбы и труда, а лишь о результатах. Дни поэт приходит к народу только в дни побед, в дни торжеств, чтобы сказать «баракалла» — «молодцы». Какими путями, через какие преграды пришла эта победа, какой поэт об этом не пишет, и жизнь в его произведении, в «баракаллах», — цветник, в котором благоухают розы.

Разумеется, наш долг — писать о победах, о достижениях, об открытиях, скажем, нового канала в безводной степи. Но наша литература должна прежде всего показать, нам приходит победа к людям, какими усилиями человеческой энергии она достигается, как в борьбе за эту победу

Повесть о скромных узбекниках

Острое столкновение со старым врачом, потеревшим вкус и интерес к работе, сопровождается началом врачебной деятельности доктора Малевича — главной героини повести Иды Коробельниковой «В сельской больнице». (Издательство ВЦСПС. Профиздат. 1954. 192 стр. Цена 3 руб. 90 коп.)

Автор показывает, как шаг за шагом преодолеваются трудности, как растет и изменяется сельская больница, как крепнет ее коллектив и как интересно складывается жизнь и работа обыкновенного, скромного, простого сельского врача.

В повести рассказывается о жизни одного сельского врача, но у нас таких врачей сотни тысяч. Вот почему так жизненно правдиво звучит повесть. Очень хотелось бы, чтобы с этой книгой познакомились не только медицинские работники, но и широкие круги читателей.

Проф. С. ФРЕЙДЛИН

Не случайно назвал Вязит Вязиткой свой сборник «Дорога» (Уфа. Башкирское книжное издательство. 1955. 226 стр. Цена 4 руб. 60 коп.). Книга рассказывает о его пути в поэзии, в нее вошло все лучшее, что написал писателем за четверть века поэтической работы.

В сборнике помещена пользующаяся заслуженной популярностью драма в стихах «Салават». Это одно произведение, которое носило сильные характеры борцов против помещиков, участников восстания Емельяна Пугачева. Он показал, как в суровой борьбе за лучшее родило крепла дружба русского и башкирского народов.

Широко представлен в сборнике Б. Вязитки-лирик.

Хочу, чтобы каждый человек был светлым, словно песня, — пишет поэт. Это стремление к радости, к свету, к солнцу согрывает его поэзию. Писнет ли Б. Вязитка о возвращении солдата с войны или о мире, о любви или о поэзии, о природе родной Башкирии или о детях, — всюду проявляются присущий ему глубокий лиризм, чистота чувства, свежест восприятия окружающего мира.

Издательство «Молодая гвардия» выпустила в свет записки геолога С. В. Воскресенского «В горах Путора» (1955. 160 стр. Цена 4 руб. 45 коп.). Эта книга, не являясь беллетристическим произведением, вызывает, однако, живой интерес читателя.

Работа геолога издана овеяна ореолом романтики. Не случайно писатели-беллетристы охотно избирают своим героям геологов-разведчиков, исследователей земных богатств. Неудивительно, герои Воскресенского оказываются не менее романтичными фигурами: при этом автор, описывая жизнь и приключения своей экспедиции в Северной Сибири, не боится рассказать читателю о нелегком труде геолога. Участники экспедиции — мужественные и настоящие люди: Воскресенский и Дорохина, заблудившиеся в тайге, не прекращают своих исследований; молодой геолог Астахова и ее помощник, лишившись оленей, совершают пешком трехсоткилометровый поход. «Теперь и мне понятно, как тяжело бывает геологу, — говорит в конце путешествия студентка-практикантка Дорохина. — Но... чем труднее, тем больше результаты».

Книга «В горах Путора» написана правдиво, увлекательно, с чувством юмора.

Документы Пьера Дегейтера

Среди многих материалов по истории музыки, собранных в хранилищах Центральным государственным архивом литературы и искусства СССР, находятся документы французского рабочего-коммуниста, автора гимна «Интернационал» Пьера Дегейтера. В фонде Дегейтера хранятся автографы песен «Вперед, рабочий класс», «Возвращение ласточки», «Мечта о России», «Марш фронтовиков», марш «Серп и молот», марш «Королева цветов» и другие произведения.

Документы фонда Пьера Дегейтера были переданы в дар Центральному государственному архиву литературы и искусства проф. А. Рубакиным.

обогачается духовный облик советского человека.

Нужно признаться, мы, поэты Узбекистана, и сейчас пассивно ждем дня торжества в Центральной Фергана, где тысячи патриотов осуществляют героические работы по освоению огромных массивов залежных земель, о чем поэтического слова не сказано. Здесь мы пока ограничиваемся беспредметными стихами, вроде стихов Акмата Пулата, стихами, которые журнал «Шарк Юлдузи» преподносят читателю регулярно. Вот отрывки из А. Пулата:

В цветнике страны каждый юноша и девушка — словно соловьи,
Цветет хлопковое поле, бутоны хлопчатника — смеющиеся розы.

Пли: Пышно расцвели тюльпаны в цветниках,
Всюду радостно поют соловьи...

В двух его стихотворениях общим объемом в 24 строки 13 «цветников». Кстати, в связи с подобными стихами, поданными в изощренной форме аруза, нельзя не коснуться вопроса о возможности употребления в узбекской поэзии этого старинного размера стиха. Об этом было много споров. И хотя все наши критики знают, что в арузе в современной узбекской поэзии не создано ничего значительного и создано быть не может, но говорить против аруза не решаются лишь потому, что отдельные видные поэты теоретически стоят за аруз, хотя сами практически его не употребляют. Аруз сам по себе ни в чем не повинен, но он не присущ природе узбекского языка. Ведь национальные размеры стиха определяются внутренними законами, спецификой, природой данного языка. Законы аруза противоречат тенденция сегодняшнего роста узбекского языка, когда большое количество арабских и персидских слов уже вошло или постепенно выходит из употребления. Все мы на практике видим, что в стихотворениях, написанном на арузе, многие узбекские слова явно искажаются. Многотисленные догматические законы этого старинного размера сковывают поэта, ограничивая его определенным кругом лексического материала.

В этих заметках я не ставил себе целью оценить состояние современной узбекской литературы. Но разговор о тех недостатках, о которых я постарался здесь высказать свое мнение, представляется мне принципиально важным. Я думаю, что этот разговор следует продолжать.

В страхе перед прекращением Гонки вооружений

Мировая общественность с большим вниманием следит за обсуждением вопроса о разоружении на Совещании министров четырех держав в Женеве.

Кто в США противится сокращению вооружений и запрещению атомного оружия?

Миллионы простых людей заинтересованы в сокращении вооружений, в запрещении атомного оружия. Однако это не отвечает желаниям тех, кто обдумывает на военных заказах, а гонка атомного вооружения, — это идет вразрез с планами американских монополий. На примере компании «Дженерал моторс», получающей ежегодно миллиард долларов чистой прибыли, видно, какие огромные доходы извлекают американские монополии из гонки вооружений. Лишь одну долю этих доходов приносит ей выполнение атомных и других военных заказов правительства США. Недаром бывший вице-президент другой компании — «Дженерал электрик» Т. Куинн сказал недавно, что «решения руководства таких компаний, как «Дженерал моторс» и «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн», могут определять весь путь развития страны... независимо от нашего народа или его представителей».

Неудивительно, что, когда после Женевского совещания Глав правительств перешли к обсуждению международного соглашения по вопросу о разоружении несколько улучшились, некоторые американские круги начали выражать опасения. Их обаял страх лишиться своих прибылей.

Об этом страхе перед разоружением можно узнать кое-что даже из американской печати. Так, журнал «Нью рипаблик» еще в сентябре писал, что некоторые влиятельные круги США придерживаются такого мнения: «Мир — это политически ходкий товар... Но что, если стремление к миру делается настолько неудержимым, что помешает процветанию — вещи, еще более важной? Что, если конгресс, увлекшись «духом Женевы», действительно сократит расходы на вооружения с такой поспешностью, что поставит перед свободным предпринимательством задачу поддерживать нынешний уровень нашей национальной экономики без той помощи (имеется в виду военные заказы... Н.Н.), какую оно получает ныне из государственной казны?».

Об этой «опасности», по словам «Нью рипаблика», политические советники Эйзенхауэра настойчиво предупреждали. Так, объединенная группа начальников штабов продолжала настаивать на недопустимости сокращения военных расходов США «ниже их нынешнего уровня в 34 миллиарда долларов в год». Журнал указывает, что мнение председателя группы начальников штабов, адмирала Радфорда, было высказано «с наибольшим вниманием».

Для того, чтобы сохранить доходы монополий, воинственные американские генералы опять начали кричать об угрозе «советской агрессии».

В том же номере «Нью рипаблик» можно было прочесть сообщение, которое свидетельствует о продолжении гонки вооружений в США.

«Помощник министра авиации Тревор Гарднер заявил о «крупном достижении» в области развития авиации после Женевы (!) и о решении правительства потребовать ассигнования новых 100 миллионов долларов на исследовательские работы в области авиации в текущем финансовом году». Это, сообщил журнал, уже четвертое увели-

чение фондов на развитие авиации США с апреля нынешнего года. Говоря о попытках определенных американских кругов «умерить» оптимизм, порожденный Женевским совещанием в июле, другой американский журнал, «Фолькерс», писал в октябре, что переговоры о мире оказывают большое влияние на союзники США по НАТО: «Как сообщают, командующий НАТО генерал Грантер просто в ужасе от того, что некоторые наши главные союзники стали медлить с выполнением своих военных обязательств... Было бы смешным парадоксом, если бы переговоры о мире повели к преждевременному сокращению нашей военной силы, которая как раз и обеспечила возможность (?) настоящих мирных переговоров».

Итак, опять все та же политика «с позиции силы», сохранения напряженности международных отношений, продолжения гонки вооружений...

Американский журналист Уильям Фрай в журнале «Рипортер» констатировал, что американский план обмена военной информацией и аэрофото съемок территорий СССР и США «не является планом разоружения», что он даже «не претендует на это» и «не обещает никакого прекращения в ближайшем будущем гонки вооружений». В подкомитете Комиссии ООН по разоружению Стассен, по словам Фрая, будто бы собрался «по крайней мере неуживо посылать пирог сахарной нудрой» и согласился на прекращение дальнейших испытаний и производства атомного оружия, однако Пентагон и Национальный совет безопасности США не позволили ему это сделать «отчасти потому, что прекращение производства бомб нанесло бы удар Англии, которая только что сделала хорошие успехи в этой области».

Ярый сторонник ремиляризации Западной Германии и Японии — Фрай ополчается в своей статье даже против советского предложения о сокращении обычных вооружений и установлении уровней вооруженных сил для различных государств. Он заявляет, что численность вооруженных сил в 150—200 тысяч человек, предусмотренная в советском предложении для всех государств, кроме СССР, США, Китая, Англии и Франции, «была бы недостаточной для Западной Германии, а может быть, и недостаточной даже для Японии и Италии».

Итак, как мы видим из сообщений американской печати, определенные круги США продолжают выступать против прекращения гонки вооружений. Однако американский народ, как и другие народы, хочет положить конец политике накалывания оружия, чреватой опасностью войны.

Н. НОВОСЕЛЬСКИЙ

Почему для помощи слаборазвитым странам недостаточно средств. Рисунок из голландской газеты «Альгемайн хандельсблат».

Хорошая погода в Фениксе...

Жители Феникса, центрального города штата Аризона, не без оснований утверждают, что у них самая лучшая погода на всем западном побережье Америки. В этом есть доля правды: последний снег здесь видели около двадцати лет назад, а ненастье бывает всего два-три раза в год. И на прибрежном губернаторском штате г-ном Макфарландом для семейных советских журналистов, путешественников уже больше двадцати дней по Америке, была высказана мысль, что по погоде международных отношений следовало бы побыстрее брать пример с аризонского климата — без «смога», сухого тумана и дыма, разлетающегося в Лос-Анджелесе, без неба, затянутого тучами.

Мысль эта, насколько мы в том могли убедиться, занимает сейчас умы очень многих американцев. Она была высказана на одном американском рабочем прессе спустя сорок минут после того, как мы взошли на борт парохода «Силь де Франс», — впереди тогда лежал весь Атлантический океан, а за кормой еще виднелись портовые сооружения Гавра, — и была повторена также председателем на прессе-конференции в городе Фениксе. Закрывая беседу, он поздравил нас с Октябрьской годовщиной и от имени всех присутствующих выразил надежду на улучшение отношений между советским и американским народами. Один из богатейших людей Америки Сайрус Итон, подаривший нашей сельскохозяйственной делегации племенного быка, сказал, принимая нас в своем загородном доме: — На мой взгляд, нам лучше обмениваться быками, чем бомбами!..

Мэр города Сан-Франциско г-н Робинсон, собирающийся в начале следующего года посетить Советский Союз, выразил ту же мысль другими словами: — Давайте чаще встречаться! Когда люди сидят за одним столом и разговаривают, они видят, что их не столь уж много разделяет...

Это стремление к прямому контакту и взаимопониманию, переход к реалистическому взгляду на международные проблемы, проявление после «холодной войны» является самым впечатляющим из всего, что мы за этот срок видели в Америке. Американцы начинают понимать, что делать хорошую погоду в международных отношениях не менее важно, чем быстрое движение автомобилей и комфортабельные дома. Когда мы посетили Нью-Йоркскую биржу, эту крупнейший центр, от которого идут приводные ремни к гигантским капиталам, ко всему хаотизму Америки, президент биржи г-н Фанстон в разговоре заметил, что мирная экономика более стабильна.

— Когда угроза войны усиливается, — сказал он, — некоторые акции временно поднимаются, но за этим следует падение других...

Бывает популярная музыка, которую в разных местах приспособляют для разного содержания: молококан Лос-Анджелеса, в молитвенном доме которых мы были, поют одну молитву на мотив «Катюши», а другую — на мотив нашей песни «Орленок». Но бывают и песни, у которых разная музыка и сходное содержание. — Это можно сказать о высказываниях о мире многих американцев разного социального положения.

Одна картина была бы неполной, если бы не упомянуть о тех, кто, как говорится, «пускает петуха» или, пытаясь сойти с толку, орет «рассудку вопреки, наперекор стихиям». Такие в Америке тоже есть, и об этом небесполезно знать и помнить. Американские газеты, и особенно провинциальные, с подробностями, способными удивить наших читателей, например описаниям гастуков и костюмов, но в общем дружелюбно пишут о нашем пребывании. Но в то же время такой претендующий на солидность журнал, как «Тайм»,

Советские журналисты осматривают Нью-Йорк с крыши одного из небоскребов.

Снимок агентства Интернейшнл Ньюс Фотос

не только обрубил на прокрустовом ложе действительности наши заявления прессе Нью-Йорка, а и постарался исказить важнейшие положения наших выступлений. Эта работа топором вместо пера не только вынудила нас написать письмо в редакцию журнала, но и настояла на нас в отношении некоторой части американской прессы. Видно, окна «Тайм» все еще заперены от дневного света!

Мы узнали в эти дни, что г-н Даллес предложил развить между нашими странами широкий обмен туристами, взаимные поездки работников культуры и т. д. К сожалению, удовольствие от этого заявления было отравлено для нас тем, что у гостиницы и в вестибюлях отелей нам довольно часто приходилось наталкиваться на группы «пикетчиков», но очень стеснявшихся в выражениях по нашему адресу и по адресу нашего народа. В Кливленде, где эти изрядно подвыпившие молодчики с расхтаннанными нервами собрались человек двести, нам стала ясна и причина их колючих концертов: один из них кричал, когда мы уже сели в машину: — Я был в вашей стране с оружием и снова приду туда!

Видать по всему, господи этот основательно чужд и Америке и американскому народу: во время войны он находился в гитлеровских войсках и стрелял не только в советских, но и в американских солдат. Мы не обнаружили, когда он бесновался у отеля, свастика на рукаве его одежды — она у него вросла в кожу. Нельзя отказать в оперативности кливлендской полиции — она эскортировала нас с всем сирен и блеском красных прожекторов на крышах машины, но, кажется, это придало лишь пышность постановке и не очень способствовало порядку у входа в отель.

Отдаем должное кливлендской прессе: она отметила несколькими строчками эти события, но не сделала из них сенсации, на которую, очевидно, кое у кого здесь были расчеты.

Кучки людей, описанных выше, похожи на анекдотическую интересную группу, которая пытается изобразить собой целый оркестр. Настоящие американцы просят у нас извинения за эти инциденты — как приличные хозяева просят у гостей извинения за беснующую пьяного пропащали, вравшилось с улицы. Они относятся к советским людям с интересом и дружелюбием. Это проявилось, когда мы были гостями в американских семьях, в торговой палате Сан-Франциско, в Голливуде, где мы знакомились с работой крупнейших студий и смотрели новые фильмы, на наш взгляд, достойные внимания по своим художественным качествам, в телевизионном центре Лос-Анджелеса, на ежегодной выставке штата Аризона. Часто на улицах, в самолетах и поездах в

нам подходили американцы, чтобы пожать руку и передать слова приветия советскому народу. — Коммунисты и бизнесмены, фермеры и рабочие, служащие, научные работники и студенты с открытыми лицами и дружелюбными улыбками. Это удивительно наше изданию существующее уважение к американскому народу, литературе и труду которого нам широко известны. Не можем мы не сказать уважительного слова и о представителях государственного департамента, сопровождающих нас. — они по мере своих сил стараются сделать нашу поездку возможно более насыщенной и разнообразной и, как мистер Адамс в книге И. Ильфа и Е. Петрова, часто советуют: «Мистеры, запишите это в ваши книжечки».

И мы записываем. У американского народа много достижений в технике и организации производства — достижений, с которыми нашим людям, умевшим ценить первичное и хорошее, интересно познакомиться; у американцев есть свои трудности и проблемы, знание которых облегчает понимание страны. Если американские журналисты в Москве так же объективно подойдут к изучению советской действительности, то, начав посев одновременно с двух концов поля, мы можем получить неплохой урожай взаимного уважения и доверия.

И уже сказал выше, что речь в данном случае идет о некоторых наиболее существенных впечатлениях. И пусть не обижаться американские друзья и коллеги за те строчки, которые, вероятно, могут их огорчить. Как гласит русская пословица, из песни слова не выкинешь, к тому же во всех разговорах с нами они особенно подчеркивают, что любят правдивую информацию, а факты, приведенные выше, неоспоримы.

Конечно, в этой корреспонденции не рассказали и сотой доли того, что мы видели в Америке, стране большой и богатой. — о ее городах и полях, о людях и автомобилях, о чинах и свершениях. Рассказ об этом — дело будущего, потому что, признаемся по секрету, программа нашего путешествия такова, что мы большую часть записок делаем в самолетах и поездах и, как остроумно выразился кто-то, живем под лозунгом: «Сведем сон до минимума!».

Сейчас мы проехали Америку с востока на запад, от Атлантического до Тихоокеанского побережья и побывали в Нью-Йорке, Кливленде, Солт-Лейк-сити — городе Солонного озера, в Рино, Вирджиния-сити, Голдене, известном, в частности, тем, что здесь редактировал газету Марк Твен, в Сакраменто и Сан-Франциско. В Лос-Анджелесе мы посетили писателя Лиона Фейхтвангера, он сердечно принял нас в своем загородном домике, с веранды которого открывается вид на прибрежные холмы и океан, рассказал о своей работе и замыслах. В разговоре с нами Л. Фейхтвангер выразил удовлетворение тем, что его произведения переиздаются в Советском Союзе, и сказал, что новый его роман, который он пишет, будет историческим по сюжету и антивоенным по существу.

Отсюда, из Феникса, наш путь лежит на Восток, и если прежде мы отводили стрелки часов назад и ложились спать как бы вчера, когда моточки уже просыпались сегодня, то теперь много раз придется переводить часы вперед, пока они снова не утвердятся прочно на привычном времени. Октябрьскую годовщину мы отпраздновали вечером в номере гостиницы, выпив привезенную еще из Москвы бутылку «Студенческой» за здоровье родных советских людей. Мы помнили о Москве и не ощутили одиночества.

Многие американцы, с которыми мы встречались в этот день, просили нас передать поздравления и приветия советским людям, и таким образом хорошая погода в Фениксе оправдывалась в двойном смысле.

Н. ГРИБАЧЕВ,

специальный корреспондент «Литературной газеты»

ФЕНИКС, ноябрь

Книга Эльзы Триоле о Чехове

«Меня будут читать лет семь, семь с половиной», — сказал однажды Чехов Т. Шенкиной-Кулерник, — а потом забудут». В другой раз, как бы развивая эту мысль, он добавил: «Но потом, пройдет еще некоторое время, и меня опять начнут читать, и тогда уже будут читать долго...». Об этих словах А. П. Чехова напоминает Эльза Триоле в влиятельной книге, посвященной жизни и творчеству замечательного русского писателя. Писцы А. П. Чехова давно уже стали известны не только русскому читателю и зрителю. Они широко ставятся на театральных сценах всего мира. Влияние Чехова ощущается и на многих произведениях западноевропейской драматургии. Рассказы Чехова знают и любят десятки тысяч зарубежных читателей, в частности читателей французских. В этом заслуга и Эльзы Триоле, которая перевела писцы А. П. Чехова на французский язык.

В новой своей книге Эльза Триоле рассказывает французскому читателю о том, как создавал Чехов свои замечательные произведения, об этапах его творческого пути. Книга Триоле — это не литературоведческое исследование, это живой, эмоциональный рассказ о любимом писателе, о писателе, которым считывалась Триоле еще в годы своего детства, о писателе, многие рассказы которого она знала наизусть, безошибочно отгадывая, из какой произведения Чехова взята любая названная ей в литературной игре фраза.

Сквозь всю книгу Эльзы Триоле проходит одна основная чеховская мысль о том, что искусство не терпит лжи. Автор рассказывает, как на протяжении своей жизни боролась А. П. Чехов против лжи, против мелких чувств, рожденных буржуазным миром, против фальши и пошлости мещанства, за большую правду действительности и искусства, за реализм.

Эльза Триоле рассказывает о детстве Чехова, о первых произведениях Антоши Чехонте, о несравненном чеховском юморе, о его сатире. Она приводит отрывки из переписки Чехова с друзьями, из многочисленных воспоминаний современников. Интересны главы: «Степь», «Чехов становится великим писателем», «Что он искал на сахалинской каторге», «О любви», «Но наступит время вишен».

Говоря о таких произведениях Чехова, как «Палата № 6», «Человек в футляре», «Попрыгунья», «Дом с мезонином», Эльза Триоле рассказывает и о творческой истории этих рассказов и о том, как они воспринимались в обществе. В ее книге приведены известные высказывания В. И. Ленина о «Палате № 6».

Хорошо пишет автор книги о чеховской любви к человеку, о вере его в будущее своей родины.

Эпиграф к эпилугу книги — знаменитое чеховское «вся Россия — наш сад» («Вашневский сад»).

Несомненно, большой интерес для французского читателя представит резкое писцо Чехова Суворину, осуждающее роман Поля Бурже «Ученик», говорящее о борьбе Чехова за материализм, за правду действительности. Не менее интересен рассказ о поддержке А. П. Чеховым Эмиля Золя и Дрейфузоров, о резкой отповеди, которую писатель дал Суворину в связи с его отношением к делу Дрейфуза.

Примечательны также приведенные многочисленные высказывания о творчестве Чехова, принадлежатые М. Горькому и В. Маяковскому, о том, в частности, как ценил Маяковский стиль Чехова, его новаторство в области языка.

О взаимоотношениях между Горьким и Чеховым рассказано в книге чересчур скупо. Из истории этой дружбы Эльза Триоле могла бы, несомненно, почерпнуть больше материала, ярких жизненных черт, которые придали бы большую полноту воссозданному ею в книге живому образу А. П. Чехова.

Хорошо и уместно рассказала Эльза Триоле в влиятельном том, как чудно изменился в наши дни тот «московский пейзаж», который служил фоном многих рассказов Чехова.

Следует отметить, что книга о Чехове является как бы продолжением той большой и полезной работы, которую занимается французская писательница, знакомя своих читателей с классиком русской и современной советской литературы. Таковы ее переводы «Портрета» Гоголя, писцы Чехова, стихов и публицистики Маяковского, книги М. Ильина «Горы и люди».

Ал. ИСБАХ

К. Осипов

Скончался писатель, кандидат исторических наук К. Осипов (Осип Миронович Куперман). Советскому читателю К. Осипов известен как автор историко-биографических книг «Суворова», «Богдан Хмельницкий», «Николай Эрнестович Бауман», «Адмирал Макаров».

Книги К. Осипова, посвященные патриотам нашей Родины, полководцам и военачальникам, заслужили популярность среди военных читателей, среди широких кругов советской молодежи. Они помогли воспитанию героизма и чувства любви к Родине.

В годы Великой Отечественной войны К. Осипов часто выступал в частях действующей армии с лекциями и докладами на военно-исторические темы, активно печатался в газетах и журналах, был корреспондентом газеты «Красная звезда».

К. Осипов принимал деятельное участие в общественной жизни московского писательского объединения, был председателем группы писателей-интеллигентов «Советский писатель», являлся членом совета Центрального дома литераторов.

Светлая память о К. Осипове — добросовестном труженике и чутком товарище — надолго останется в наших сердцах.

В. Ажеев, П. Антокольский, Н. Атаров, Г. Березко, М. Брагин, Е. Дюма-Товский, С. Злобин, В. Иванов, М. Исаковский, Л. Никулин, О. Писаржевский, М. Прилежская, К. Симонов, В. Смирнов, Л. Собелев, В. Ситин, Л. Тимофеев, Н. Тихонов, А. Тарасенков, К. Федин, П. Чагин, Ю. Чепурин, Н. Чертова, С. Шипачев.

Большой художник

Михаил Садовяну... Это имя многие говорят не только румынским читателям, которые уже свыше полвека встречаются с ним еще со школьной скамьи. Произведения крупнейшего писателя Румынии привлекали теперь внимание читателей многих стран мира. Высокую, почти атлетическую сложения фигуру автора повести «Митри Кокор», отмеченной Золотой медалью мира, видели на трибуне конгрессов борцов за мир в Париже, Стокгольме, Варшаве. Писателя хорошо знают и в Москве, куда Садовяну приезжает теперь каждый год, словно стремясь наверстать упущенное в те мрачные десятилетия, когда его страна была искусственно изолирована от Советского Союза.

«В его лице чувствуется что-то дивное... персонаж из Шекспира», — говорит о Садовяну те, кто видит впервые этого величавого и красивого старца с мощным выпуклым лбом, густой шапкой белых волос и глубоко посаженными глазами. На тех, кто знает его поближе, еще большее впечатление производит его добрая улыбка, тихая речь, главное — глаза, сияющие мудростью и спокойствием. Именно так запомнился мне Садовяну, когда я увидел его впервые в трудное для писателя и его родины время.

«Это было весной 1936 года в Бухаресте, в те дни, когда «железнодорожники», по примеру гитлеровцев, загляли на улицы румынской столицы костры из книг, начали громить редакции прогрессивных газет. Одна из атак фашистских белых была направлена против газет «Димитрица» и «Адевару». Эти газеты хотя и не отличались последовательным демократизмом, но все же представляли собой препятствия на пути фашизации Румынии, и Садовяну, который в те годы был далеко от прямых политических интересов, решил поддержать их своим именем и авторитетом. Поступая так, он рисковал жизнью, но фашистам не удалось запугать его. И в те тревожные

дни, когда можно было каждый час ожидать вооруженного нападения на редакцию «Адевару», для ее сотрудников и рабочих, для демократически настроенных студентов, пришедших сюда, не было более успокаивающего и бодрящего средства, чем беседа с Садовяну. Его всегда окружала толпа людей. Величественное спокойствие этого человека, так сочетающееся с его величественным обликом, было основано на глубоком знании своего народа, на мудрости многоопытного писателя, стремящегося к активному участию в общественной борьбе. Именно это стремление, желание быть полезным своему народу не только литературным трудом побудили его после освобождения страны Советской Армией стать в первые ряды борцов за социализм в Румынии. Корни этой борьбы уходят глубоко. Их следует искать во всей предыдущей жизни, а главное — в творчестве писателя.

Михаил Садовяну родился 5 ноября 1880 года в маленьком молдавском городе Пашкань. Отец его был адвокатом, мать происходила из крестьянской семьи, и почти все свое детство будущий писатель провел в деревне у родителей матери. Здесь он узнал деревенские обычаи, здесь впервые услышал молдавские народные сказки, доны и баллады, которые впоследствии сыграли немалую роль в его творчестве, здесь он полюбил своих будущих героев — тружеников-крестьян и красоту родной природы. Гимназию он окончил в Яссах.

Садовяну начал писать рано — еще будучи учеником, и так же рано познал он «одну из первых своих душевных радостей — знакомство с русской литературой». После университетских лет он обосновывается в маленьком молдавском городке Фелтичени, где живет почти безвыездно пятнадцать лет, всецело посвятив себя литературному труду. Отныне в его жизни происходит мало внешних перемен — каждый день, как двойник другого дня, наполнен одним и тем же содержа-

нием: напряженным творческим трудом. Этот календарь почти не знает пустой странички, и уже к началу первой мировой войны собрание сочинений Садовяну насчитывает 25 томов. Сегодня оно превышает 100 томов.

Поражает жанровое многообразие книг Садовяну: рассказы, повести, исторические романы, рассказы для детей, исследования по фольклору, публицистические статьи, сатирические произведения, переводы, в том числе блестящий перевод «Записок охотника» Тургенева. Но все это томов Садовяну связаны между собой, всем им пряду одна общая черта — демократичность. Многие менялись на протяжении более чем полувековой творческой деятельности писателя. И автор «Митри Кокора», где отчетливо звучат мотивы классовой борьбы и отражена переломная роль рабочей партии, далеко ушел от автора «Кротов», «Тихой заводи» и других повестей и рассказов, где люди гибнут, но поднимаются от открытого протеста. Но основа основ творчества Садовяну оставалась неизменной. Во всех ста томах, в каждой строчке, в каждом слове его творений можно увидеть, почувствовать страстную любовь автора к человеку и ненависть и презрение к паразитизму, грубости, насилию над личностью. Демократический, «плебейский» пафос его произведений не раз вызывал недовольство буржуазной критики, которая пыталась обезуметь писателя не обращаясь к «эстетической» жизни крестьянства. Но любовь к обиженным и угнетенным, связь с родной землей и народом были сильнее, чем литературные теории и моды времени. И Садовяну писал о простых людях, создавал произведения, полные горячей любви к человеку и жизни, в те годы, когда среди румынской интеллигенции господствовал мрачный пессимизм, когда большинство румынских поэтов и прозаиков обходило молчаливым глупие проблемы современности. Садовяну остался верным реалистическим традициям классической литературы в те годы, когда большинство румынских писателей находилось под влиянием западного

декаданса. В этом состоит одна из заслуг писателя в истории более чем полувековой периода развития румынской литературы.

Но не менее велики заслуги Садовяну в том, что в августе 1944 года, когда были сменены законы дикости и угнетения, господствовавшие на его родине. Утро новой жизни родины словно омолодило писателя. Он первым обратился к румынской творческой интеллигенции с призывом немедленно включиться в борьбу за социалистическую Румынию. Это наиболее выдающийся предостережение старого поколения интеллигенции не только одним из первых понял смысл происходящих событий, но и показал пример действительного и самоотверженного служения народу.

«Время не ждет», — убежденно заявил Садовяну. И, вели большую общественную и государственную работу как заместитель председателя президиума Великого национального собрания Румынской Народной Республики, председатель Союза писателей, академик, представитель Румынии во Всемирном Совете Мира, он одновременно пишет книгу за книгой, активно участвуя в борьбе за преобразование своей родины не только как общественный деятель, но и как писатель. Полежит «Малая Лауна» о первых ростках коллективизма в румынской деревне; «Митри Кокор» — хроника крестьянской жизни в бурное десятилетие войны и пробуждения наиболее передовых сил деревни; две книги о Советском Союзе: исторический роман «Николай Подкова» — все это и многое другое, опубликованное за последние десятилетия, явилось конкретным и удивительным по своей глубине и многогранности доказательством того, что возраст не умерил творческих сил и работоспособности Садовяну. Несмотря на свои семидесять пять лет, он молот духом и работает так, что может послужить примером для многих молодых писателей. Бей своей жизнью и деятельностью за последние годы он подтверждает дорогие его сердцу мысли, выказанные им в книгах о Советском Союзе: свет, идущий с Востока, несет миру молодость, энтузиазм и радость жизни.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ.

Редакционная коллегия: В. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИН, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы литературы и искусства — К 4-02-29, и внутренняя жилая — К 4-84-28, К 4-72-88, международной жилая — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммулятор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.